

РАТИ МЕХРОТРА

НОЧЬ
ВОРОНА,
РАССВЕТ
ГОЛУБЯ

18+

Young Adult. Пробуждение магии. Тёмное фэнтези

Рати Мехротра

Ночь ворона, рассвет голубя

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(540)

ББК 84(5Инд)-44

Мехротра Р.

Ночь ворона, рассвет голубя / Р. Мехротра — «Эксмо»,
2022 — (Young Adult. Пробуждение магии. Тёмное фэнтези)

ISBN 978-5-04-191224-6

Средневековая Индия. В раннем детстве королева Чанделлы спасла Катьяни, после чего на теле девушек магическим образом появились одинаковые татуировки. Связь душ позволила им чувствовать друг друга на расстоянии. Катьяни выросла в королевской семье и оправдала возложенные на нее надежды: стала лучшим стражником королевы и советником наследного принца. Долгие годы длится противостояние двух династий, и после очередного покушения принцы в сопровождении Катьяни вынуждены отправиться в гурукулу – школу посреди леса. Девушка должна не только защищать братьев, но и оттачивать навыки, чтобы стать опорой своему государству. Но Катьяни выпала роль пешки в смертельных играх двух королевств, кишящих демонами. И даже Дакш, привлекательный и скрытный юноша, не в силах помочь, когда девушку обвиняют в предательстве. В попытках избежать смертельной участи Катьяни отправляется на земли демонов яту и веталы. Теперь ей необходимо заглянуть в свое прошлое, чтобы спасти все, что дорого в настоящем.

УДК 821.111-312.9(540)

ББК 84(5Инд)-44

ISBN 978-5-04-191224-6

© Мехротра Р., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	32
Глава 5	43
Глава 6	52
Глава 7	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Рати Мехротра

Ночь ворона, рассвет голубя

Rati Mehrotra

NIGHT OF THE RAVEN, DAWN OF THE DOVE

Copyright © 2022 by Rati Mehrotra. All rights reserved.

© Ускова К., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Легкий ночной ветерок врвался в королевскую спальню сквозь решетчатые окна, принося с собой аромат цветущего жасмина. Капельки пота, проступившие на лбу Катьяни, начали постепенно высыхать. Ночь была теплой – слишком уж теплой для весны. Уже больше часа Катьяни поджидала убийцу, спрятавшись за наполовину задернутыми шторами, вдыхая их затхлый запах и стараясь не чихнуть. Ее правая нога затекла, в спину впивалась оконная решетка, но она не осмеливалась пошевелиться. Крикнул козодой¹, заставив ее вздрогнуть от неожиданности. Его пронзительное воркование напоминало щелчки.

Сжимая в руке деревянную трубку, девушка трепетала от предвкушения.

Лунный свет так слабо проникал в комнату, что большая ее часть была погружена во тьму. Но Катьяни знала каждый дюйм этого пространства, от богато украшенного шкафа в дальнем углу до позолоченного зеркала напротив; от роскошных гобеленов на стенах до массивной кровати с балдахинном в центре комнаты. Той кровати, на которой король и королева Чанделы спали бы сегодня ночью, если бы Катьяни не поменялась с ними комнатами. Голубая бабочка, вытатуированная у нее на шее, ободрающе взмахнула крыльями. Королева была в безопасности. Пока.

Дверь приоткрылась, и сердце девушки подпрыгнуло. Она напрягла зрение, вглядываясь в щель между шторами. В комнату прокралась темная фигура с поблескивающим в лунном свете лезвием в руках. В черной маске, кошачьей походкой, бесшумный, словно смерть, человек приблизился к кровати и поднял свой клинок.

Сейчас. Катьяни вышла из укрытия и выпустила дротик со снотворным из деревянной трубки. Он полетел прямо в грудь незваного гостя. В последний момент, предупрежденный легким свистом воздуха, он попытался увернуться. Но дротик вонзился ему в плечо. Убийца схватился за него и, пошатываясь, направился к двери, которую специально оставили без охраны.

Следовало отдать этому человеку должное, он обладал огромной жизненной силой. Иного дротик парализовал бы мгновенно. Но прежде чем рухнуть, ему удалось выбежать в коридор.

Катьяни вышла следом и позвонила во встроенный в стену медный колокольчик, чтобы вызвать Гаруду, элитный отряд королевских телохранителей. Затем она склонилась, чтобы осмотреть лежащего без сознания убийцу. Свет висящих на стенах коридора факелов осветил лысого, тощего мужчину, одетого в черные хлопчатобумажные тунику и брюки. Его лицо было скрыто за маской, которая, казалось, срослась с кожей. Его рука все еще сжимала оружие – обоюдоострого кинжала с рукоятью из слоновой кости. Ни на его одежде, ни на клинке не было никаких опознавательных знаков, но допрос вскоре покажет, на кого он работает. Ее охватило чувство триумфа. Они наконец-то поймали одного из ублюдков живым.

Пятеро дюжих стражников, одетых в униформу Гаруды – темно-серые туники длиной до колен, кожаные пояса с ножами для меча, широкие штаны и белые тюрбаны, – подбежали, когда она уже начала обыскивать тело мужчины на предмет дополнительного оружия. Во главе отряда стоял Таной, начальник Гаруды, коренастый, седовласый мужчина средних лет с пронзительными глазами и таким важным видом, что его нельзя было спутать с кем-то другим. Он нахмурился, осматривая развернувшуюся перед его глазами картину.

– Один из моих людей этим займется, Катьяни, – сказал он глубоким голосом с ноткой упрека. Он знал ее много лет, научил всему, что она знала о сражении на мечах, но так и не

¹ Козодой – ночные или сумеречные птицы среднего размера из семейства Caprimulgidae, характеризующиеся длинными крыльями, короткими ногами и очень короткими клювами. (*Здесь и далее – прим. пер.*)

смог привыкнуть к тому, что она сама может разобраться с мужчинами-преступниками. Его поведение раздражало ее, но она не собиралась спорить с наставником на глазах у всех.

– Да, сэра.

Она достала нож кукри² из одного ботинка убийцы, тычковый нож из другого и передала их Фалгуну, младшему стражнику.

– Пусть их изучат. Будь осторожен. Края могут быть отравлены.

У них уже был горький опыт. Шесть месяцев назад, во время первого покушения, стражник, который тогда взял в руки оружие нападавшего, пришел в себя только через несколько недель.

Фалгун поклонился и взял ножи одетой в перчатку рукой.

Таной присел на корточки рядом с лежащим без сознания человеком.

– Ты узнала, кто это?

– Скоро увидим.

Она только начала снимать маску с лица убийцы, как в ноздри ударил запах горячей плоти, и Катьяни отдернула руку.

– Черт возьми!

Его лицо плавилось прямо у нее на глазах. Рукоятью своего кинжала она попыталась вернуть маску на место, но было слишком поздно. Катьяни закашлялась и, сдерживая тошноту, отпрянула назад.

Таной тоже попятился. Его губы сжались, взгляд стал жестче. Уже в третий раз за шесть месяцев убийца умер до того, как его смогли допросить. Король и королева не обрадуются этой новости.

– Что случилось? – пробормотал стражник, стоящий на безопасном расстоянии позади нее, зажимая нос.

Она вздохнула и, ощущая во рту горечь поражения, поднялась на ноги.

– Он мертв.

– Но мы еще не допросили его, – возмущенно сказал Фалгун.

Таной поднялся, потирая подбородок и не сводя глаз с лежащего на полу тела. Лицо представляло собой месиво из расплавленной плоти и кусочков обгоревшей ткани.

– Маска была отравлена, – проскрежетал он. – Снять ее мог только тот, кто его сюда послал. Верный способ обеспечить молчание.

– Что нам теперь делать? – спросил другой стражник, положив руку на свой меч, как будто оружие могло разрешить всю эту неразбериху.

– Попытайтесь выяснить, кто он такой, – сказал Таной. – Но будьте осторожны, снимая с него одежду и осматривая его оружие. И не забудьте вымыть руки. Я не хочу, чтобы кто-нибудь умер от собственной беспечности.

Он ткнул пальцем в Катьяни:

– Ты. Доложи королю и королеве.

Ее плечи поникли.

– Да, сэра.

Это была одна из ее обязанностей в качестве его заместителя, особенно когда новости оставляли желать лучшего. Совсем не то задание, которому она была бы рада. Королева будет разочарована ее неудачей, а она терпеть не могла разочаровывать королеву. Когда стражники стали заворачивать труп в простыню, Катьяни отвернулась. Этой ночью королевская чета спала в западном крыле дворца. Она заставляла их с наследным принцем Айаном менять комнаты каждую ночь с тех пор, как ее шпионы пронюхали о том, что планируется новое покушение. И она следила за тем, чтобы даже персонал дворца не знал, в какой комнате они оставались

² Кукри – национальный нож, используемый непальскими гуркхами.

на самом деле. Убийца мог узнать о смене комнаты, но прочитать ее мысли он не мог. И этой ночью план наконец сработал.

Отчасти сработал. Идя по мраморному коридору, она прокручивала в голове события последнего часа, жалея, что ей так не терпелось сорвать маску нападавшего.

Ее повысили по службе вперед старших, более опытных мужчин в Гаруде. Никто не обижался на нее за это; все знали, что у них с королевой были особые отношения. И все же они ждали, когда она себя проявит. Докажет, что она достойна своего звания. Каждое мгновение каждого дня с тех пор, как Катьяни повысили, ее способности, успехи и неудачи подвергались неустанной оценке.

И каков же список ее достижений? Три попытки убийства за шесть месяцев и ноль зацепок. Королева Хемлата будет недовольна еще одной ошибкой. И она не станет даже рассматривать просьбу Катьяни о том, чтобы отказаться от сопровождения принцев в качестве их телохранителя в ту отдаленную школу, которой руководит... Как там его зовут?.. Ачарья Махавира.

Катьяни не хотела покидать дворец. Она хотела остаться здесь и защищать королеву. Что случится с их с Хемлатой связью, если они так долго будут вдали друг от друга? Но королева отклонила все ее просьбы и мольбы с непреклонным спокойствием.

Катьяни проскользнула через узкую дверь в коридор, огибающий внутренние стены северной башни. Мерцающий свет факелов падал на изображенные на стенах сцены битвы на Курукшетре³: боевые колесницы сталкивались, лошади бросались в атаку, слоны трубили, солдаты истекали кровью, а возвышающийся над всем этим Кришна наблюдал за происходящим с выражением блаженного спокойствия на синем лице.

В конце изогнутого коридора находился, казалось бы, тупик. От пола до потолка стену украшала роспись в виде самого дворца. Но стоило положить ладонь на купол, и стена распахивалась, словно дверь, открывая взору шепчущую галерею⁴, расположенную по периметру центрального зала. Катьяни могла бы пойти к королю с королевой более простым путем, направившись через вестибюль и поднявшись по другой лестнице в западное крыло, но что в этом интересного?

Дворец был лабиринтом, но этот лабиринт был ей хорошо знаком. Даже король Джайдип не знал его лучше нее. Она всегда побеждала в прятки, играя с Айаном и его двоюродными братом и сестрой, Бхайравом и Ревой, когда они все были еще детьми. И все же во дворце и вокруг него до сих пор оставались тайные ходы, которые она так до конца и не исследовала.

А королева хотела отослать ее отсюда. Катьяни понимала почему, но ей была ненавистна мысль о том, чтобы покинуть свой дом, покинуть Хемлату.

Она почти дошла до потайной двери, скрытой за росписью, как вдруг позади нее раздались мягкие шаги. Она замерла.

Вот. Опять. Кто-то следил за ней, и по звуку шагов она поняла, что знает, кто именно. Катьяни отступила назад так, чтобы скрыться за углом стены, и напрягла слух, ожидая подходящего момента, чтобы удивить своего преследователя.

Кто-то выдохнул всего в нескольких дюймах от нее.

Катьяни выпрыгнула из-за угла и сказала:

– Бу.

– А-а-а!

Рева схватилась за грудь.

– Катья, ты чуть не довела меня до сердечного приступа.

³ Битва на Курукшетре – легендарная битва между Кауравами и Пандавами, одно из центральных событий, описанных в древнеиндийском эпосе «Махабхарате».

⁴ Шепчущая галерея – помещение, в котором шепот хорошо распространяется вдоль стен, но не слышен в остальной части помещения.

– У тебя получается просто ужасно, – сказала Катьяни строгим голосом, стараясь не улыбаться. – Я могла слышать твои шаги за милю отсюда. Я слышала, как ты дышишь. Тебе вообще не следовало выходить сегодня вечером.

– Если я не буду практиковаться, то как мне стать лучше? – нахмурившись, запротестовала младшая девочка. Она и правда приложила кое-какие усилия; ее волосы длиной до талии были собраны в простую косу, на круглом лице не было ни капли макияжа, в носу не было кольца. Пухленькая принцесса была одета в простые черные одежды без единого украшения, а на ее ногах красовались мягкие матерчатые тапочки. Но, для того чтобы подкрасться к члену Гаруды, потребовалось бы нечто большее.

Катьяни ласково потянула Рева за косу:

– Моя милая сестра, возможно, племянницы королей и не должны быть шпионками. К сожалению, они могут стать лишь избалованными женами прекрасных принцев.

– Ты называешь меня сестрой, но на самом деле не испытываешь ко мне таких чувств, – проворчала Рева. – Иначе ты бы обучила меня вне зависимости от того, что говорит тетя.

– Я не смею ослушаться королеву, и ты хорошо это знаешь.

Катьяни наклонилась и поцеловала ее в лоб. Без каблуков Рева доставала ей только до подбородка, а без макияжа и украшений принцесса выглядела не на пятнадцать лет, а на двенадцать.

– Возвращайся в свою комнату, дорогая моя. Я должна отчитаться перед твоими тетей и дядей.

Рева надулась:

– Обещай, что зайдешь попозже.

– Я обещаю.

Катьяни послала ей воздушный поцелуй, и девушка неохотно удалилась обратно тем же путем, которым пришла.

Очень жаль, что самый младший член семьи короля Джайдипа, оказался самым амбициозным. Рева была быстрой и умной, и при правильной подготовке из нее получилась бы отличная шпионка. Вместо этого она застряла в роли хорошенькой маленькой принцессы Чанделы. Катьяни делала все, что могла: давала ей уроки шпионского мастерства, самообороны, приготовления ядов и противоядий от них. Но все это следовало делать с осторожностью.

Она подошла к концу прохода и положила ладонь на расписной купол. Последовали тихий шелчок и жужжание, и стена распахнулась. Девушка вошла в шепчущую галерею. Здесь не было ни факелов, ни картин, ни скульптур. Над головой, исчезая во тьме, изгибался дворцовый купол. По всей длине узкого прохода тянулись перила высотой по пояс. В дальнем зале внизу двое стражников стояли по стойке смирно, не подозревая о ее присутствии.

Она вышла с противоположного конца галереи, спустилась по короткому лестничному пролету и оказалась во временной спальне королевской четы. Двое мужчин, стоявших на страже у обитых медью двойных дверей, отдали честь и отступили с ее пути. Она постучала, используя специальный код, о котором заранее договорилась с королевой. Дверь со скрипом отворилась, и тонкая, украшенная перстнями рука втащила ее в освещаемую фонарями комнату.

Татуировка в виде голубой бабочки на шее Катьяни затрепетала, и она поклонилась.

– Ваше Величество.

Королева закрыла дверь и повернулась к Катьяни, ее лицо светилось предвкушением.

– Расскажи мне все.

Хемлата, несомненно, была одной из самых красивых королей во всем Бхарате. Ее овальное лицо украшали высокие скулы, блестящие глаза и орлиный нос. Высокая и статная, сейчас она была одета в шелковое платье с вышивкой, а в ее идеально уложенные волосы цвета эбенового дерева был вставлен гребень цвета слоновой кости. Катьяни же была одета в униформу

Гаруды и в то утро едва причесала свои непослушные волосы. Зачем себя утруждать, если в конце концов они все равно примут ту форму, которую захотят?

Однако королева была не просто хорошеньким личиком. Любой, кто совершал ошибку, решив так, мог вскоре пожалеть о своем заблуждении, получив в свой адрес одну из знаменитых острот Хемлата, которые она произносила таким бархатным голосом, что по спине пробежал холодок.

Катяни взглянула на кровать с балдахином, стоящую у противоположной стены. Полупрозрачные белые шторы были задернуты, поэтому она не могла разглядеть, есть ли кто-то за ними.

– Король?..

Хемлата пренебрежительно махнула рукой:

– Дай ему поспать. Я введу его в курс дела позже. Проходи, садись.

Она подвела Катяни к тахте из розового дерева. Как можно короче Катяни рассказала ей обо всем, что произошло. Когда она описывала, как маска растворила лицо убийцы, Хемлата застыла, сузив глаза. Через их связь Катяни почувствовала ее неудовольствие и разочарование.

– Мне жаль, – сказала она, и, когда болезненно-зеленые волны разочарования королевы прокатились по Катяни, сотрясая ее изнутри, голос девушки дрогнул. – Я все испортила.

Она знала, что почувствует Хемлата, и знала, какое действие это окажет на нее саму. Но реальность оказалась даже хуже, чем она себе представляла. Уже в третий раз им не удалось поймать убийцу живым, но впервые это вызвало у королевы столь сильные эмоции.

Хемлата сделала глубокий вдох. И еще. Постепенно волны негатива отступили.

– Тот, кто за всем этим стоит, всегда был на шаг впереди нас.

Катяни сглотнула, испытывая облегчение от того, что королева начала успокаиваться. Хемлата, возможно, и не винила в провале именно ее, но глубина ее недовольства обострила чувство вины Катяни.

– Вы думаете, что за всеми этими попытками стоит один человек?

– Один или несколько.

Хемлата нахмурилась, теребя нитки, торчащие из расшитой шелковой подушечки:

– Они действуют разными методами, но все эти методы укладываются в общую схему.

– Я должна остаться здесь, во дворце.

Катяни наклонилась вперед, осознавая, что рискует, снова поднимая этот вопрос.

– Должна защитить вас с королем.

Королева сжала подушку так, словно хотела ее задушить.

– Мы уже обсуждали это, Катя, – резко сказала она. – Здесь достаточно людей, чтобы защитить нас с королем. Тебе нужно защищать принцев. Ты единственная, кому я могу доверить их сопровождать.

– У Таноя тридцатилетний опыт в шпионаже и сражениях, – отметила она.

Хемлата фыркнула:

– Таной уже показал все, на что он способен. Но ты мне как дочь. Гурукула Ачарьи Махавиры – самая известная школа воспитания нравственности и обучения боевым искусствам в Бхарате. Во всех королевствах Ачарья известен своей духовной силой и навыками изгнания чудовищ – навыками, которыми полезно овладеть вам с принцами. Это потрясающая возможность для обучения. Через три дня ты будешь сопровождать Айана и Бхайрава в гурукулу. Я не изменю своего мнения.

Конечно, не изменит. Если бы Катяни удалось захватить убийцу живым, если бы они допросили его и выяснили, на кого он работал, вот тогда она смогла бы настоять, что никому из них не нужно покидать дворец.

Хемлата схватила ее за плечо:

– Не грусти. Это всего на пять месяцев.

Пять месяцев казались целой вечностью, и желудок Катьяни сжался от мысли о такой перспективе.

– Я никогда не расставалась с вами больше, чем на несколько дней, – пробормотала она, переплетая руки на коленях.

Лицо Хемлаты расплылось в улыбке. Она взъерошила волосы Катьяни, и та ощутила приятную волну нежности.

– Ты беспокоишься о связи? Не надо. Ничто не может нарушить ее, пока не придет время. А когда время придет, мы с тобой это пойдем.

Она не добавила: *«когда твой долг крови будет выплачен»*, но Катьяни знала, что все обстоит именно так. Этого момента она одновременно и ждала с нетерпением, и боялась.

– Есть какие-нибудь новости от мирного посланника, отправленного в Малву? – спросила она.

Королева сжала губы. Она сцепила руки, глядя вдаль большими встревоженными глазами, как будто воочию наблюдала разворачивающуюся битву.

– Он вернулся с дурными вестями. Переговоры сорвались. Мы надеемся избежать еще одной полномасштабной войны, но все же дело может до этого дойти.

Катьяни поморщилась. Уже пятнадцать лет они сохраняли хрупкий мир со своим воинствующим соседом. Конечно, это не могло длиться вечно. Малва находилась под властью династии Парамара, давних врагов Чанделы. Они оспаривали законные притязания Чанделы на многие из ее приграничных городов и территорий. Если бы король Джайдип, его отец и его дед не одолели их в предыдущих войнах, Парамары к настоящему времени захватили бы половину королевства Чандела. Шамшер Сингх, нынешний регент Малвы, слыл холодным и бессердечным человеком. Не хотела бы она встретиться с ним лицом к лицу.

– И в то же время было совершено три попытки убийства, а мы не смогли выяснить, кто за ними стоит, – продолжила королева. – Я боюсь, что две эти вещи связаны и что Малва пытается сломить нас как изнутри, так и снаружи. Я хочу, чтобы наследный принц уехал отсюда от греха подальше, и во всем Бхарате нет более безопасного места, чем гурукула Ачарьи Махавиры.

– Я думала, вам не нравится этот чудак, – сказала Катьяни, скорчив гримасу.

– Катья!

Хемлата приложила палец к губам Катьяни:

– Что бы ты там ни слышала, он не чудак. Никогда больше так не говори, это может принести несчастье. Он человек, обладающий огромной духовной и магической силой. И дело не в том, что он мне не нравится. Дело в том, что я не нравлюсь ему.

– Из-за нашей связи, – сказала Катьяни. – Верно?

Хемлата вздохнула:

– Мужчины предпочитают держать всю власть в своих руках. Они устанавливают правила, которые диктуют, кто, когда и почему может использовать магию. Я нарушила эти правила, когда спасла тебя, но я ни разу не пожалела об этом.

Она раскрыла правую ладонь и запечатлела поцелуй на татуировке в виде голубой бабочки – зеркальном отражении той, что была на шее Катьяни.

Катьяни залило теплое сияние. Она не помнила, как у нее появилась татуировка, но Хемлата много раз рассказывала ей эту историю. Когда Катьяни было три года, ее родители – вассалы короля Джайдипа – умерли, а сама она смертельно заболела. Ни один из врачей королевы ничего не мог для нее сделать. Когда жизнь девочки почти угасла, Хемлата в отчаянии обратилась к запрещенным магическим искусствам. Она создала духовную связь между собой и Катьяни и велела ее телу выздороветь. Малышка Катьяни подчинилась. Голубая бабочка была единственным физическим напоминанием о том заклинании.

Но связь, которую королева создала, чтобы спасти ей жизнь, сохранялась. Катьяни выросла, в каждый момент времени зная, где именно во дворце находится королева и как она себя чувствует. По своему желанию Хемлата могла наставлять ее или дарить ей ласку, не произнося ни единого слова. Просители нередко разыскивали Катьяни, чтобы спросить ее, в каком расположении духа сегодня королева, прежде чем предстать перед ней самой. Девушка не осознавала, что в этом есть что-то необычное, пока не стала старше и не поняла, насколько редко можно встретить такую магическую связь.

– Ачарья Махавира нетерпелив, и он не умеет прощать, – предупредила королева. – Ты не должна его злить. Если он скажет что-нибудь о связи, храни молчание. Убедись, что Айан и Бхайрав не попадут в беду.

– Рева не будет счастлива оказаться единственной, кто остался тут, – сказала Катьяни.

Хемлата закатила глаза:

– Рева обещана в жены наследному принцу Калачури. Это отличный союз, и он гарантирует, что у нас будет на одного вызывающего опасения соседа меньше. Что они подумают, если услышат, что она бродит по гурукуле, полной незнакомых мужчин? Чем скорее моя племянница смирится со своей судьбой, тем лучше. Это судьба, за которую большинство девушек отдали бы жизнь.

Но это не то, чего хочет Рева, могла бы сказать Катьяни. Только вот прежде у них уже были подобные разговоры, и они всегда заканчивались плохо. Пусть Рева королеве как дочь, но правила для настоящих принцесс, очевидно, отличались от правил для приемных. Катьяни благодарила за это свою счастливую звезду.

Хемлата схватила ее за руку.

– Однажды Айан станет королем, – сказала она серьезным тоном, – а ты будешь его самым доверенным советником. Воспользуйся этим временем как возможностью научиться управлять государством и наладить связи с другими королевствами.

Ее рука крепче сжала руку Катьяни, кольца больно впились в тело девушки.

– Пожалуйста. Ради меня.

Королева хорошо знала, как манипулировать людьми. Внутри Катьяни поднялась смесь раздражения и привязанности. Она склонила голову, сдаваясь.

– Я буду стараться изо всех сил, Ваше Величество.

И все же спальню королевы она покидала с очень дурным предчувствием. Конечно, она поступит так, как пожелает Хемлата. Но чего им обоим это будет стоить?

Глава 2

На следующий день Катяни проснулась пораньше, чтобы тренировочная площадка была в полном ее распоряжении. Осталось два дня на то, чтобы наслаждаться тренировками в тишине и покое. Кто знает, что будет дальше? Школа посреди леса, который, по слухам, кишит чудовищами. . . нет, она не могла себе это даже представить. А тренировки отвлекали от мыслей о неизведанном, заставляли меньше беспокоиться о будущем. Она заранее все подготовила, и все четверо ее дворцовых шпионов будут отчитываться непосредственно перед Таноем; так же, как и вся Гаруда. Фалгун получил временное повышение и теперь занимал ее должность.

Тренировочная площадка представляла собой большую территорию к западу от дворца, окруженную кирпичной стеной высотой семь футов. Катяни прибыла на место вскоре после восхода солнца, но, к ее удивлению, площадка была уже занята. Когда она толкнула скрипучую деревянную дверь во двор, то услышала ворчание и лязг мечей.

– Нет, принц. Так вы сами себя пырнете ножом, – произнес Таной страдальческим тоном.

– Может быть, так мне и следует сделать, – сказал Бхайрав обиженным тоном, тяжело дыша и опираясь на свой меч. – Тогда меня никуда не отправят.

Губы Катяни дрогнули, и она закрыла за собой дверь. Двое мужчин стояли на фехтовальной арене – поросшей травой круглой площадке. Таной часто давал Бхайраву дополнительные уроки, чтобы улучшить его навыки и довести его до уровня Айана. Айан называл их «уроками жалости», потому что сражение на мечах не давалось Бхайраву. Как и все остальные боевые искусства.

– Если ты себя ранишь, – сказала она, подходя к арене. – Мне придется нести твое израненное, истекающее кровью тело в гурукулу. А ты знаешь, как кровь привлекает чудовищ.

Бхайрав повернулся к ней, нахмурившись:

– Почему я вообще должен ехать? Все это интересно только Айану.

– Что интересно Айану? – раздался знакомый голос у нее за спиной. Айан толкнул дверь и вошел с дерзкой улыбкой на лице.

– Чудовища, – сказала она ему.

– Сражения, – поправил ее Бхайрав. – Просто все это не мое. Я бы предпочел проводить время в библиотеке. И там пользы от меня было бы больше!

– К сожалению, от тебя нигде нет пользы, – сообщил ему Айан. – Оставим тебя в библиотеке, и ты забудешь о еде и воде, а через несколько недель мы заберем из твоих безжизненных рук какой-нибудь пыльный старый том по магии, который никто не читал уже миллион лет.

Таной прочистил горло:

– Если вы здесь, чтобы попрактиковаться, то не теряйте времени, наследный принц.

Уязвленный Айан подошел к ним. Таной бросил ему деревянный меч. Бхайрав явно устал, но Таной попытался убедить его потренироваться вместе со своим двоюродным братом.

Катяни в это время делала растяжку, чтобы расслабить свои мышцы, не без удовольствия наблюдая за разворачивающейся драмой. Раннее утреннее солнце заливало двор, трава блестела от капель росы. Когда разум девушки успокоился, ее пульс замедлился. Тренировочная площадка с самого детства была одним из ее любимейших мест. Она орудовала деревянными мечами, пускала стрелы в нарисованные мишени, метала копья в соломенные манекены и даже била кулаком по мешкам с зерном, веселя мужчин. Потом она выросла, и все это стало получаться у нее лучше, чем у мужчин. Над Катяни уже давно никто не смеялся.

Бхайрав в конце концов согласился потренироваться с Айаном. Вероятно, лишь для того, чтобы заставить Таною замолчать. Результат был предсказуемым. Айан отбросил Бхайрава к стене склада с оружием и приставил свой меч к горлу юноши меньше, чем за минуту. Бхайрав

с отвращением отбросил свой меч. Таной заставил его поднять оружие и сложить вместе с остальным.

Катяни сделала несколько приседаний, как всегда, поражаясь тому, насколько похожи и в то же время не похожи друг на друга эти двоюродные братья. Высокие, с бронзовой кожей, хорошо сложенные, с тонкими чертами лица. Куда бы они ни шли, их преследовали обожающие взгляды. Между ними была разница всего в год; Бхайраву было восемнадцать – столько же, сколько Катяни, а Айану исполнилось семнадцать.

Различие заключалось в их умениях и нраве. Айан преуспел в сражении на мечах, стрельбе из лука, борьбе, верховой езде и рукопашном бое. Он был единственным противником, с которым Катяни нравилось тренироваться. Бхайрав, напротив, лучше разбирался в науке и в государственных делах. Однажды он мог бы стать великим советником или послом королевства – если не закончит свои дни в библиотеке, как предсказал Айан.

Бхайрав подошел к ней:

– Катя, сделай мне одолжение. Побей моего двоюродного брата. Ты только посмотри на эту невыносимую ухмылку на его лице.

Девушка попыталась по-дружески ударить его в плечо, но Бхайрав отразил удар.

– С удовольствием. Но какая мне с этого польза?

– Удовлетворение от победы над ним, – сказал Бхайрав, подняв брови. – Что может быть лучше? Кроме того, мы, сироты, должны стоять друг за друга горой.

Катяни рассмеялась и все же толкнула его в плечо. История с «сиротами» была их личной шуткой. Но, конечно, они и правда были сиротами. Отец Бхайрава и Ревы, принц Карандип, был убит в той же войне с Малвой, которая унесла жизни родителей Катяни. Это разбило сердце их матери, и она умерла несколько месяцев спустя. Катяни не помнила своих собственных родителей, и иногда она задавалась вопросом, не было ли это благословением. Бхайраву было почти четыре, когда умерла его мать, и он часто ее вспоминал и скучал по ней. Рева завидовала его воспоминаниям, ведь в то время она была совсем ребенком. Но все же ее больше интересовало то, как использовать настоящее в своих интересах, и она не собиралась заикливаться на прошлом.

Катяни подошла к Айану.

– Я здесь, чтобы отомстить от имени всех сирот Чанделы. А также стереть глупую ухмылку с твоего лица.

– Я твой принц, – сказал Айан с таким величественным видом, что ей захотелось его ударить. – Я приказываю тебе проиграть.

Таной фыркнул:

– В тот день, когда она уступит тебе из-за твоего титула, вы оба перестанете быть моими учениками.

– Я просто пошутил, – сказал Айан, округлив глаза.

– Тогда сражайтесь так, как будто это не тренировка, – прохрипел Таной, бросая Катяни деревянный меч. Она поймала его одной рукой.

– Вперед, Катя! – крикнул Бхайрав у них за спиной.

– Это нечестно, – запротестовал Айан. – Толпа болеет за нее, а фаворит толпы всегда побеждает.

Таной прижал руку к виску.

– Давай, Айан, – сказал он ровным, не-могу-поверить-что-я-это-делаю голосом.

Айан прыгнул на нее, и она едва успела отступить назад. Он рванул вперед, используя в качестве преимущества то, что застал ее врасплох. Она отскочила в сторону и ударила его по предплечью, заставив юношу поморщиться.

– Минус очко, наследный принц, – прокричал Таной, обходя их.

Айан набросился на нее, но она держалась на расстоянии, не позволяя ему приблизиться. У него было преимущество в размерах и весе, но она была проворнее и намного терпеливее. Она продолжала в том же духе несколько минут, пока не почувствовала, что его начало охватывать разочарование, а затем предоставила ему очевидную возможность для победы, занеся свой меч для удара сверху. Если бы он хоть на мгновение задумался, то понял бы, что это была ловушка. Они дрались на мечах почти каждый день, и он знал все ее маленькие уловки, но он был слишком сосредоточен на победе. Он направил свой меч ей в грудь. Она бросилась на землю, вынырнула из-под меча и выбила его из рук юноши.

Бхайрав захолопал в ладоши.

– В очередной раз Катя продемонстрировала свое превосходное владение мечом в битве против наследного принца Чанделы, – прокричал он.

Айан вцепился в ее деревянный меч.

– Я еще не закончил!

– Будь это настоящий меч, ты был бы уже мертв, – заметил Таной. – Смирись с тем, что ты проиграл этот раунд.

Катяни обхватила своей ногой ногу Айана и дернула, повалив его на землю. Но он все еще держался за ее меч, поэтому она упала на траву вместе с ним. Айан попытался завести ее руки за голову, но она ударила его коленом в живот, заставив стонать от боли. Бхайрав присоединился к ним и в итоге приземлился на них обоих, чуть не раздавив девушку. Она выбралась из-под принцев, вся в траве и грязи, задыхаясь от смеха.

– В бою на мечах победила Катяни, в дурачестве у вас ничья, – сухо сказал Таной. – Не ведите себя так в гурукуле. Помните, вы будете представлять королевство Чандела. Имейте хоть немного достоинства.

– Да, сэр, – ответила Катяни. Она еще сильнее, чем прежде, хотела отказаться от поездки.

Таной посмотрел на солнце, которое поднялось уже довольно высоко.

– Время завтракать.

Он взглянул на Бхайрава.

– Принц, если вы желаете, вечером я свободен для еще одной тренировки.

– Хорошо, сэр, хотя я не понимаю, зачем вы тратите на меня свое время, – сказал Бхайрав.

– Я тоже не понимаю, – начал Айан, но Катяни ткнула его локтем в бок, заставив заткнуться.

На тренировочную площадку уже начали приходить солдаты, но, согласно протоколу, они проигнорировали принцев и сосредоточились на своих собственных упражнениях. Айан, Бхайрав и Катяни поклонились Таной перед уходом.

– Чувствуете запах роз? – спросил Бхайрав, сделав глубокий вдох. По дороге во дворец они проходили мимо розового сада. Садовники уже подрезали кусты, поливали растения, удаляли сорняки и опавшие листья. Большие и сочные, розовые и красные розы цвели на кустах, сгибая стебли своей тяжестью.

– До следующего года мы больше не почувствуем этого аромата.

– Может быть, в Нандоване есть розы, – сказал Айан.

Нандована – лес, в котором располагалась гурукула, – покрывал большую часть центрального Бхарата, пересекая границы пяти королевств: Чанделы, Парамары, Ядавы, Калачури и Чалукьи.

– Такие розы не растут в джунглях в диких условиях, – усмехнулся Бхайрав. – Их нужно культивировать. Ты не очень разбираешься в ботанике, не так ли?

Айан ухмыльнулся:

– Цветок – это всего лишь растение, а я знаю сотню способов, как убить вражеского солдата.

Бхайрав закатил глаза, но Айан высказал справедливое замечание. Наследному принцу Чанделы необязательно разбираться в растениях. Для этого у него были садовники, а для всего остального – советники.

– Осталось два дня, – сказала Катьяни. – Наслаждайся ваннами и едой. Кто знает, что будет потом?

Бхайрав, потрясенный, вцепился в ее рукав:

– Но у них ведь должны быть ванны.

Катьяни на это надеялась. Но все же тот день она провела в ванной больше времени, чем обычно, отмокая в воде с ароматом жасмина до тех пор, пока ее горничная, Чайя, не спросила, не желает ли девушка, чтобы ее кожа осталась такой сморщенной навсегда.

После завтрака Шукла, главный королевский жрец, вызвал их в дворцовую библиотеку.

Дворцовая библиотека была любимым местом Бхайрава. Расположенная в верхней части западной башни, она занимала три уровня, соединенных винтовой лестницей. Наиболее посещаемым был самый нижний уровень, где хранились книги по истории, естественным наукам, математике и философии. На среднем уровне хранились более старые рукописи, карты и документы на различных языках со всего мира. Приезжие писцы и ученые могли запросить доступ к этому этажу. Верхний уровень был заперт и закрыт для посторонних; там хранились древние книги по магии, унаследованные от основателей династии Чандела. Ключ был только у королевы, но большинство рукописей не смогла бы разобрать даже она. Хемлата несколько раз приводила туда Айана, Бхайрава, Реву и Катьяни и рассказывала о магических чарах, наложенных на крепость Аджайгарх. И только Бхайраву было достаточно интересно, чтобы задавать разумные вопросы или просить что-то повторить.

Один из предков короля Джайдипа создал магические обереги, чтобы защитить крепость от чудовищ Бхарата. Стоило яту или веталям приблизиться к стенам крепости, как они тут же воспламенялись. Такая сильная магия была недоступна королеве Хемлате, да и никому в семье. Казалось, что с каждым последующим поколением сила Чанделы ослабевала, и теперь было трудно наложить даже самое простое заклинание. Вместе с королевой они изучили самые основы, но Айану и Реве теория магии наскучила до безумия, а Катьяни, как бы ей ни хотелось угодить Хемлате, не обладала никакими способностями к магии. Бхайраву чтение нравилось больше, чем практика, и в конце концов королева сдалась, удовлетворившись тем, что научила их поддерживать обереги предков с помощью ежедневного ритуала, включавшего огонь, сандаловое масло и песнопения.

Шукла встретил их на среднем уровне библиотеки. Вдоль изогнутой стены тянулись книжные полки высотой до потолка, так что посетители комнаты были словно заключены в кокон из книг. Кому-то, возможно, нравились пыль и запах старых книг, но у Катьяни от всего этого чесалось в носу. И действительно, стоило ей войти, как она громко чихнула.

Глядя на нее, Шукла прищурился, а принцы, сложив руки вместе, поклонились ему. Худой, похожий на мертвеца мужчина с запавшими глазами и кривым носом, он напоминал Катьяни измученную голодом хищную птицу.

– Это плохой знак, – пробормотал он.

Катьяни вытерла нос рукавом и свирепо посмотрела на мужчину, и он, презрительно фыркнув, отвел от нее взгляд. *Надутый старый лицемер.*

Того факта, что на ее коже красуется запретный знак духовной жертвы королевы, было достаточно, чтобы вызывать подозрения в глазах священнослужителей. Кроме того, она была худшей ученицей, которую когда-либо встречали священники Аджайгарха. Она подвергала сомнению инструкции, отказывалась принимать участие в ритуалах, подшучивала над священниками и избегала наказания. Трудно было сказать, кто испытал большее облегчение, когда

король освободил ее от формальной необходимости посещать эти уроки, – учителя или ученица.

– Садитесь, принцы, – сказал он, указывая на циновки вокруг себя, демонстративно не упоминая Катьяни. Она все равно села прямо напротив него, так что он был вынужден на нее смотреть. Бхайрав и Айан сидели по обе стороны, подавляя ухмылки. Они знали о ее давней вражде со священником.

– Ачарья Махавира – известный учитель, – начал он. – Вам повезло, что вы сможете у него учиться.

– Чем он знаменит? – спросил Айан. – Помимо того, что она чудак.

– Умением изгонять чудовищ, – ответила Катьяни, вспомнив, что сказала ей королева.

Шукла бросил на нее презрительный взгляд.

– А также воспитанием нравственности, – сказал он резко. – Это важная часть вашего образования.

– Я не понимаю, почему мы должны идти в самую гущу леса, кишашего чудовищами, и учиться нравственности у какого-то чудака, – сказал Бхайрав. – В Аджайгархе живут лучшие учителя в Бхарате. Такие, как вы и Пандитджи.

В отличие от Катьяни, Бхайрав был примерным учеником. Все священники любили его.

Комплимент явно понравился Шукле, но все же он напустил на себя строгий вид.

– Он не чудак. Он великий мудрец, одна из самых выдающихся личностей во всем Бхарате. Он обладает такой духовной силой, которая может остановить целую армию. Будьте прилежны в своих занятиях, и под его руководством вы сможете увеличить свою собственную духовную силу.

– Я думала, духовная сила дается при рождении, – сказала Катьяни.

Она не очень разбиралась в теоретических аспектах, но знала, что каждое живое существо изначально состоит из пяти основных элементов и обладает духовной силой. Таной научил их техникам медитации и йоги, чтобы использовать эту силу. Но магия – то, что использовала королева, чтобы связать их вместе и тем самым спасти ей жизнь, – это использование той силы, которая по праву тебе не принадлежит.

Губы Шуклы сжались.

– Если бы на моих уроках ты когда-нибудь обращала внимание на то, что я говорю, вместо того чтобы валять дурака, ты бы знала, что при правильной подготовке настоящий воин может получать доступ к большим запасам силы внутри себя.

Катьяни могла бы поклясться, что он никогда этого не говорил, но придержала язык.

– Ачарья Махавира также знаменит своими проклятиями, – продолжил Шукла. – Если кто-то его разозлит, он может наложить на него такое проклятие, что каждое сказанное им слово сбудется. Тебе лучше относиться к нему с уважением. Не зли его, иначе пожалеешь.

Он свирепо посмотрел на Катьяни. Она подавила желание показать ему язык.

– Лес – небезопасное место, – продолжал он. – Там полно яту, ветал и претов. Ачарья Махавира научит вас, как с ними обращаться.

Айан оживился. Кажется, он на самом деле был заинтересован. Несколько раз, вдали от Аджайгарха, они издали видели яту, но ветал или претов – никогда. Конечно, преты были невидимы, поэтому их было трудно обнаружить, не говоря уже о том, чтобы их изгнать. Веталы – злые духи, которые вселяются в трупы и охотятся на людей ради их крови, предпочитают жить в лесах. Ходят слухи, что они способны предсказывать будущее, но люди, которые их встречали, как правило, не успевают пожить достаточно долго, чтобы в этом убедиться.

Даже яту встречались уже не так часто. В прошлом они захватили территории королевства Чанделы, но отец Джайдипа, Вишвадип, загнал их обратно в джунгли.

– Здесь мы в полной безопасности от чудовищ, – сказала Катьяни. – Они не могут войти в крепость, а яту были изгнаны из королевства много лет назад.

– Это не значит, что они не могут вернуться, – сказал Шукла. – Они наверняка этого хотят, ведь люди их естественная добыча. Королева хочет, чтобы вы научились их умирять.

– Я думал, моя мать отправляла нас туда, чтобы защитить, – сказал Айан.

Шукла улыбнулся. Это была не очень приятная улыбка.

– Наследный принц, вы знаете, как мама-птица учит своего птенца летать? Она выталкивает его из гнезда. Это следующий этап вашего образования. Научитесь летать, если не хотите упасть.

Он отпустил их, и они вышли из библиотеки немного более мудрыми, чем вошли.

Глава 3

Два дня спустя они прощались в вестибюле дворца – просторной, светлой комнате с мраморным фонтаном, витражными окнами и фресками с изображениями слонов и тигров на стенах.

Айан и Бхайрав были одеты как простолюдины, в простые бежевые хлопчатобумажные туники и брюки. Катьяни сменила свою форму Гаруды на красно-желтый шальвар-камиз, какой носили многие женщины в крепости. Свой меч она, конечно же, оставила при себе; у каждого из них было оружие.

Король Джайдип стоял перед мраморным фонтаном – добродушный гигант с густой гривой седых волос, подкрученными усами и пронизательными глазами. Он выглядел внушительно в своей богато отделанной парчой тунике и ожерелье из молочно-белого жемчуга. Стоящая рядом с ним королева Хемлата была, как всегда, безупречна. На ней было красное шелковое сари, голову украшала элегантная золотая диадема.

Айан и Бхайрав коснулись стоп королевской четы и священника.

– Яшасви Бхава, – нараспев произнес Шукла, орошая каплями святой воды их склоненные головы. *Пусть ваши успех и слава будут нескончаемы.*

– Держите свои мечи наготове, а свой ум острым, – сказала королева. – Как только вы войдете в Нандовану, вы попадете под юрисдикцию Ачарьи.

– Почему нас не могут сопровождать несколько солдат? – спросил обеспокоенный Бхайрав.

Айан толкнул его локтем:

– Испугался, кузен?

– Лучше один из нас испугается, чем мы оба умрем, – парировал Бхайрав.

– Не волнуйся, Катья защитит нас обоих.

Айан одарил Катьяни ухмылкой.

– Катья защитит себя, – сказала Катьяни. – У тебя есть меч; используй его для чего-нибудь другого, кроме как любования своим отражением.

Бхайрав ухмыльнулся. Любовь Айана к полировке своего меча до блеска была всем хорошо известна.

– Солдаты не могут вас сопровождать, потому что по правилам гурукулы в Нандовану могут зайти только будущие ученики, – сказал король Джайдип.

– И вам уже следовало бы это знать, – резко сказала королева. – Не заставляйте меня сомневаться в вашем уровне подготовки.

Бхайрав стер ухмылку со своего лица и поспешно поклонился ей.

– Мы помним все, что говорили нам наши учителя, Ваше Величество.

– Я надеюсь, мы не нарушаем правил, беря с собой кучера, – сказала Катьяни, но в этой шутке была доля серьезности. Почему в этом месте такие строгие правила?

– Если Ачарья достаточно жесток, чтобы отправить нас обратно лишь за это, то это не наша вина, – сказал Айан.

– Это определено будет ваша вина, – сказала королева. – Повинуйтесь Ачарье и пройдите все его испытания. Я ожидаю от вас именно этого. Если вы подведете меня, то познаете вкус Ченту.

Принцы вздрогнули. Ченту – наследственное оружие королевы, черный кнут, который, по слухам, обладал разумом. Она всегда носила его обернутым вокруг запястья. Он мог забрать у человека не только плоть, но и память и духовную силу. Это было оружие, которое она берегла для самых закоренелых преступников.

– Мы не подведем, – пообещал Айан.

– Помните, что я сказала о гурудакшине, – сказала королева. – Вы должны дать Ачарье все, о чем он попросит. Это вопрос чести.

Айан поклонился:

– Да, Ваше Величество.

Первые лучи солнца проникали сквозь витражные окна, отбрасывая багровые тени на мраморный пол.

– Мне пора идти, – неохотно сказала Катьяни.

– Идите в безопасности, возвращайтесь в славе, – сказала королева, даря свое любимое благословение. Она встретила взглядом с Катьяни, посылая ей волну уверенности. *Все будет хорошо. Верь мне.*

Катьяни поклонилась королеве, но она была слишком переполнена эмоциями, чтобы что-то говорить. Друг за другом все трое вышли через массивные деревянные двери и спустились по мраморным ступеням на подъездную дорогу, которая вела к воротам дворца. По обе стороны от ступеней дворцовые слуги выстроились в очередь, чтобы попрощаться и забросать их лепестками роз.

– Возвращайтесь скорее, Ваши Величества! – кричали они.

Катьяни улыбнулась, когда несколько заблудившихся лепестков попали в ее волосы. Как же они все любили принцев – особенно Айана. Он был солнцем, вокруг которого вращалось все остальное.

У подножия лестницы их ждала маленькая карета, на которой они должны были доехать до ворот крепости. Утро было чудесное; бледно-голубое безоблачное небо, а сады – сплошное буйство красок. Пруд был усеян белыми и желтыми лилиями, а вода била из фонтанов, сверкая на солнце. Уже в этот ранний час воздух был пропитан теплом, обещая дневную жару.

Они забрались в карету и помахали всем на прощанье. Когда экипаж тронулся, с их пути возмущенно вспорхнул павлин и запрыгнул на один из амальтасов, росших вдоль дороги. Катьяни повернула голову, чтобы в последний раз взглянуть на свой дом, и ее сердце сжалось.

Дворец крепости Аджайгарх возвышался над ними. Он был построен из желтого песчаника, а его круглый купол с каждого угла здания был защищен восьмиугольными башнями. На вершине мраморной лестницы стояли король и королева, окруженные придворными. Словно почувствовав внимание Катьяни, королева улыбнулась и послала воздушный поцелуй в сторону кареты как раз перед тем, как повозка завернула за поворот и они потеряли друг друга из виду.

– Месяц Чайтра⁵, – сказал Бхайрав с глубоким вздохом. – Самое приятное время в Аджайгархе и худшее время для прогулок по лесу.

– Почему это самое худшее время для прогулок по лесу? – спросил Айан.

– Чудовища в это время наиболее активны, – сказал Бхайрав.

– Это неправда.

Катьяни снова повернулась к принцам:

– Чудовища не зависят от сезона года. Они не похожи на твои растения, Бхав.

Они все продолжали спорить, когда карета выехала из дворцовых ворот и с грохотом проехала мимо храмов, резервуаров для воды и фруктовых садов, наконец въехав во внешний двор крепости – массивную, вымощенную камнем площадь, вдоль которой располагались конюшни, казармы и склады. Уборщики подметали двор, а перед складами выстроились телеги для доставки продовольствия. В этот ранний час площадь еще не была переполнена, и кучеру не пришлось кричать, призывая убраться с их пути.

Стражники распахнули железные двери в стене крепости, и они вышли из экипажа. Изогнутые ворота не позволили бы протиснуться даже маленькой повозке, не говоря уже о слоне.

⁵ Месяц Чайтра начинается 21/22 марта и оканчивается 20 апреля.

Это, наряду с шестьюстами ступенями, по которым нужно было подняться, чтобы добраться до входа, было одной из оборонительных особенностей крепости Аджайгарх.

На холме в двадцати километрах отсюда возвышался, словно черный зуб, Калинджар – крепость-близнец Аджайгарха. Ею управлял двоюродный брат короля Джайдипа по материнской линии, принц Окендра. В отличие от Аджайгарха Калинджар не имел магических щитов, но его умело защищали более пятисот великолепно обученных лучников. В Калинджар тоже можно было попасть, только поднявшись по крутым ступеням на холм. Джайдип навещал ее время от времени, якобы для поддержания боевого духа, но на самом деле больше для того, чтобы держать своего двоюродного брата в узде.

Легенда гласила, что две крепости были соединены потайным ходом, но никто не знал, где он находится. Будучи детьми, Катьяни и принцы провели много дней в поисках хода, прежде чем неохотно пришли к выводу, что его не существует.

– Мы пропустим Холи, – сказал Бхайрав, когда они спускались по ступеням.

Холи – весенний праздник красок, который отмечают по всему королевству Чандела.

– Я с нетерпением ждал, когда буду прогуливаться по улицам города, а девушки будут бегать за мной, чтобы припудрить мои щеки цветной пудрой.

– Девушки за тобой не бегают, – сказал Айан. – Они убегают *от* тебя.

– Им просто нравится, когда за ними гоняются, – сказал Бхайрав. – Наверное, король приказывает им не убегать от тебя, потому что ты соображаешь медленнее улитки.

Спускаясь, они продолжали подшучивать. Катьяни не обращала на них внимания, наслаждаясь знакомыми видами и запахами. Эта утренняя прогулка была для нее особенно ценной, ведь пройдут месяцы, прежде чем она снова вернется сюда. Склон холма был покрыт тиковыми деревьями и деревьями тенду. Время от времени она мельком видела белые крыши и пагоды города, раскинувшегося у подножия холма, также называемого Аджайгархом, в честь крепости, и далекую, мерцающую на солнце реку Кен. Ступени лестницы вились вниз по склону холма, и от одного взгляда на них кружилась голова. На половине спуска был размещен пункт стражи. Стражники отдали честь и поспешили убраться с их пути.

– Привыкай к тому, что люди не кланяются и не заискивают перед тобой, – сказал Бхайрав Айану, как только они оказались вне пределов слышимости стражников. – В гурукуле статус наследного принца не так уж много значит.

– А статус принца значит еще меньше, – возразил Айан.

– Прекратите, вы двое, – сказала Катьяни. – Вы портите мне прогулку.

– Я голоден, – сказал Айан. – Когда мы будем ужинать?

Катьяни закатила глаза:

– Я куплю самосу в городе, хорошо?

Экипаж, который должен был отвезти их в Нандовану, ждал у подножия холма, нагруженный их вещами и дарами для гурукулы. Это была просторная закрытая карета с двумя скамейками, обращенными друг к другу, и четырьмя лошадьми, которым не терпелось тронуться в путь. Они забрались внутрь, и Айан с Бхайравом заняли места у окна, а Катьяни села напротив них посередине. Кучер щелкнул языком, и карета покатила по дороге в город Аджайгарх, столицу королевства Чандела. Как и обещала, Катьяни остановила экипаж возле рынка и купила им самосы, только что приготовленные, хрустящие и горячие. Пока кучер пробирался по переполненным улицам, они ели их, обмакивая в тамариндовый чатни.

В течение следующих двух дней, пока продолжалось их путешествие на запад, ощущение новизны постепенно ослабевало, и от этого чувство дискомфорта становилось еще сильнее. Они путешествовали инкогнито, а значит, не могли останавливаться в гостевых домах, рискуя быть узнанными. Принцы спали на полу кареты или, свернувшись калачиком, на скамейках, пока Катьяни высматривала потенциальную опасность. Чем дальше они удалялись от Аджайгарха, тем слабее становилась их с Хемлатой связь, пока она вообще не перестала чувствовать

королеву. Она знала, что это произойдет; в конце концов, они и раньше на какое-то время расставались. Она старалась не заикливаться на пустоте внутри себя, пустоте в том месте в ее душе, которое обычно занимала королева. Хемлата сказала, что все будет в порядке, так что она должна была верить.

Они сменили лошадей и кучера в Тикамгархе, последнем крупном городе перед Нандованой. Наконец они оставили поселения позади, и дорога превратилась в грунтовую тропинку, петляющую по пшеничным полям. Лес Нандована вырисовывался вдалеке – неприступная зеленая стена, которая, казалось, касалась неба. Никогда еще Катьяни не видела таких огромных растений. Деревья в лесу за рекой Кен выглядели бы рядом с ними как молодые деревца.

Бхайрав выглянул из окна и отпрянул:

– Почему из всех мест в Бхарате он выбрал именно *это*?

– Он знаменит своей эксцентричностью, – сказал Айан.

– Он знаменит и другими вещами, – сказала Катьяни.

Последние пару вечеров во дворце она провела в библиотеке, собирая всю доступную информацию об этом человеке и его гурукуле, чтобы дополнить то, что им рассказал Шукла.

– Люди, которым досаждают веталы, яту и преты, просят его о помощи. Он путешествует по опасным местам со своим волшебным посохом и несколькими избранными учениками и быстро расправляется с любыми демоническими существами.

– Будет забавно научиться справляться с разными чудовищами, – сказал Айан.

– Это часть учебной программы, – заверила она его. – Лес ими полон.

– Вы двое можете убивать чудовищ, сколько влезет, только прикройте меня, чтобы я успел спрятаться, – сказал Бхайрав.

Катьяни нахмурилась и высунулась из окна, чтобы посмотреть на дорогу. До леса они еще не доехали, но уже направлялись к тропинке, которая вилась среди гигантских деревьев.

– Ты не пропустишь ни одного занятия, принц.

– Иначе что? – бросил вызов Бхайрав. – Ты пожалуешься королеве?

– Иначе ты потерпишь неудачу, – решительно сказала она. – Позор, который король и королева не позволят тебе забыть.

Она содрогнулась при мысли о том, что может сделать Хемлата, если кого-нибудь из принцев с позором отправят домой. Бхайрав нахмурился. Айан подтолкнул его локтем.

– Эй, все не так плохо. В нашем классе могут быть симпатичные девушки, с которыми можно будет пофлиртовать.

– Не рассчитывай на это, – сказала Катьяни. – Даже если они там будут, вам, вероятно, будет запрещено говорить о чем-либо, что не связано с обучением.

– Чего ты такая скучная, – сказал Айан. – Ты должна быть на нашей стороне. Должна помогать нам знакомиться с девушками.

– Я на вашей стороне, – сказала она. – Одна из этих девушек может быть убийцей. Ты думал об этом?

– Убийцы в гурукуле?

Айан покачал головой.

– Ты повсюду видишь опасность.

– Это моя работа, – сказала она. – Я отношусь к ней серьезно. И надеюсь, что вы двое тоже будете серьезно относиться к своей и в течение следующих нескольких месяцев станете лучшими студентами гурукулы. Завоюйте славу для себя и для Чанделы.

– Ты лучше нас обоих в сражении на мечах и других боевых искусствах, – отметил Бхайрав. – Ты можешь сама завоевать славу, а с нас снять такую ответственность.

– Этого не произойдет, – твердо сказала она. – Я сделаю все, что должна, но в отличие от вас мне не нужно преуспевать. Я лишь должна держаться достойно.

На этот раз она не хотела быть лучшей; она хотела, чтобы в центре внимания были именно принцы. Королева была бы счастлива.

Когда наступил вечер, они выехали на тропинку, ведущую в лес. Карета подпрыгивала на неровной земле, под колесами хрустели упавшие ветки. Им в ноздри ударил густой, насыщенный запах цветущих и разлагающихся растений. Катьяни высунула голову из одного окна, а Айан из другого.

Над ними возвышались огромные салы, светло-зеленые листья шелестели на ветру. *Хорошо*. Сал был одной из самых важных пород лиственных деревьев в центральном Бхарате. Более того, его не очень-то жаловали чудовища. Кучер громко напевал, то ли чтобы придать себе храбрости, то ли чтобы подстегнуть лошадей. Где-то ухнула сова, словно в противовес его напеву.

– Думаете, на одном из этих деревьев прячется ветала? – прошептал Айан.

– Нет, если только это не баньян или манговое дерево, – сказал Бхайрав.

Айан, который не узнал бы манговое дерево, даже если бы плод упал с ветки ему на голову, вглядывался в деревья так, как будто на их стволах волшебным образом появлялись слова, подсказывающие ему, что есть что.

Катьяни сжалась над ним:

– Это саловые деревья, они считаются безопасными. Чудовищам не нравится лекарственный запах их листьев.

– Видишь? Ботаника бывает полезна, – воскликнул Бхайрав.

Айан потер подбородок:

– Катья, пожалуйста, покажи мне разные виды деревьев.

Это было впервые, когда наследный принц Чанделы проявил какой-либо интерес к несъедобным зеленым растениям.

– Ну что ж, раз ты так вежливо просишь.

Сначала они видели только сал и изредка – серебристо-серый лавр и величественное дерево кадам. Однако через некоторое время лес начал меняться. Сал уступил место шишаму, пипалу, ниму и манго. Когда появился первый огромный баньян, корявый и весь в лианах, Катьяни схватила Айана за руку и оттащила его от окна.

– Лучше оставаться внутри, пока лес не станет более дружелюбным.

– Все леса кажутся мне одинаково недружелюбными, – сказал Айан. – Куда ты идешь? – спросил он, когда она встала со скамейки и потянулась к дверце экипажа.

– Составить компанию кучеру, – ответила она.

Но прежде чем она успела открыть дверцу и спрыгнуть на подножку, экипаж внезапно остановился. Одна из лошадей испуганно заржала. Кучер коротко вскрикнул и резко замолчал. Раздалось леденящее кровь рычание и ужасный, влажный звук раздираемой плоти.

Катьяни замерла, положив руку на дверь. Айан и Бхайрав в тревоге вцепились в свои скамейки. Неужели убийцы следовали за ними из Аджайгарха? Может, это дикое животное? Или что-то похуже? Множество сценариев пронеслось в ее голове; она рассматривала их с молниеносной скоростью, перебирая и отбрасывая варианты того, как обезопасить принцев.

– Что происходит? – спросил Айан, высовываясь из окна.

– Дурак!

С бешено колотящимся сердцем Катьяни затащила его назад.

Как раз вовремя.

Толстая, краснокожая рука, украшенная браслетом из человеческих зубов, просунулась внутрь и попыталась схватить их отвратительными когтистыми пальцами.

Бхайрав закричал и попятился назад. Айан потянулся за своим мечом, но Катьяни оттолкнула его к себе за спину. В карете не было места, чтобы орудовать мечом. Она вытащила свой обсидиановый нож, схватила руку с черными когтями за запястье и отсекла ее, разрезав

плоть, кости и сухожилия. Та упала на пол кареты, и из нее вытекла сероватая жидкость. Браслет порвался, разбросав повсюду зубы. Руку отдернули от окна, и раздался тонкий, нечеловеческий вопль боли и ярости. *Ятудхани.*

Катьяни захлопнула окно и, тяжело дыша, повернулась к двум принцам.

– Оставайтесь внутри, пока я не скажу вам, что выходить безопасно, – отрезала она. Она схватилась за рукоять своего меча, готовясь выпрыгнуть. – Понятно?

Бхайрав кивнул, но Айан сказал:

– Я иду с тобой.

– *Нет*, принц...

К ее ужасу, он толкнул дверь и выпрыгнул из экипажа. Она следовала за ним по пятам, злясь одновременно и на него за непослушание, и на себя за то, что позволила ему проскользнуть мимо.

Перед ними развернулась кровавая сцена. Все четыре лошади замерли в неестественных позах, а яту сливал кровь из шеи одной из них в огромное деревянное ведро.

Кучер был мертв. Его почти полностью съели. То, что от него осталось, было разбросано по лесной подстилке в нескольких метрах от кареты. Полдюжины неуклюжих яту склонились над его останками, пережевывая конечности и выплевывая кости, а на их плечах балансировали зловещего вида булавы. Более шести футов ростом, с растрепанными волосами и красной кожей, они напоминали бы огромных и уродливых людей, если бы не клыки, торчащие из их разинутых пастей. Воняло так сильно, что Катьяни затошнило. Она видела яту и раньше, но не так близко. И не тогда, когда они *ели*.

Айан обнажил свой меч. Яту перестали есть и уставились на них налитыми кровью глазами. Один из них поднялся и издал угрожающее рычание, от которого у Катьяни волосы встали дыбом.

Не сводя глаз с яту, она схватила Айана за руку. Ее мысли кружились.

– Иди внутрь. Их слишком много!

– Именно поэтому я тебе нужен, – прохрипел он. – Перестань болтать и дерись.

Он был прав. Ей было неприятно признавать это, но их было слишком много, чтобы она могла справиться с ними одна. К тому же в карете он не был бы в большей безопасности. Как только они убьют ее, то наверняка нападут на оставшихся в живых. Больше всего шансов у них было в том случае, если они противостоят яту вместе. Она глубоко вздохнула и вытащила свой клинок из кожаных ножен. Звук был такой, словно шелком провели по стали. *Будь верен мне сегодня.*

– Два Меча, Одна Душа, – скомандовала она. Они много раз отрабатывали этот оборонительный маневр на тренировочном полигоне. Но она никогда не думала, что однажды им действительно придется им воспользоваться.

Он резко кивнул и встал с ней спина к спине, сжимая меч обеими руками, готовый отразить удар. Она стояла так, чтобы карета была под правым боком; экипаж, конечно, не был непреодолимым препятствием, но это, по крайней мере, уменьшал вероятность нападения с той стороны.

Со свирепым ревом яту уронили остатки своей трапезы и неуклюже двинулись к ним. Яту, наполнявший ведро кровью лошади, просто наблюдал, как будто наслаждаясь зрелищем.

– Во имя богини!

Катьяни призвала свою духовную силу; она хлынула в ее вены, придавая ей силу и скорость. Она подпрыгнула и обрушила свой меч на голову первого яту, раскроив ему череп. Он издал влажный, булькающий звук и упал на землю. От силы удара плечо Катьяни онемело. Она отшатнулась, испытывая отвращение к тому, что она сотворила с головой чудовища.

– За Чанделу, – крикнул Айан, отсекая другому яту руку.

Но даже отрубленная конечность не остановила яту. Раненое чудовище обернулось, визжа от боли и гнева. На глазах у охваченной ужасом Катьяни он рванулся вперед, обрушив свою булаву на меч Айана, в то время как из его отрубленной руки фонтаном хлестала серая кровь.

Катьяни вонзила свой меч в грудь чудовища и изогнулась так, что ее рука чуть не вывернулась из сустава.

– Целься в голову и шею, – проинструктировала она, уклоняясь от удара дубинки с гвоздями. Она почерпнула это в одной из прочитанных книг, но между теорией и практикой лежала огромная пропасть. Борьба с яту была не похожа на борьбу с людьми. Раны, которые свалили бы человека, их лишь приводили в ярость. Каждый раз они поднимались, готовые мстить.

Катьяни и Айан продолжали молча сражаться, рубя, пронзая и отражая удары неуклюжих чудовищ со страшными клыками и изогнутыми когтями. Их единственным преимуществом была скорость, что они были быстрее нападавших. Но яту было *так* много. Катьяни должна была не только защищаться сама, но и защищать Айана и присматривать за экипажем, чтобы убедиться, что Бхайрав в безопасности и ни один яту не подкрался к ним с той стороны. Она ударила яту ножом в живот, и чудовище бросилось к ее лицу, не обращая внимания на лезвие в своем животе. Один из его когтей расцарапал ей щеку, оставив отметину до самой шеи. Она отшатнулась назад прежде, чем он мог достать до вены.

Ей удалось обезглавить еще одного яту, но их оставалось еще четверо, да еще и тот, что стоял с лошадьми. Она стремительно уставала. Как и Айан. Ее духовная сила иссякла почти до нуля. Без нее у Катьяни не было никакой надежды дать отпор чудовищам.

Бхайрав закричал.

Она резко обернулась, и ее сердце подпрыгнуло. Она забыла о ятудхани, чью руку она отрубила. Чудовище вытаскивало Бхайрава из кареты за волосы. Его тело с глухим стуком скатилось по ступенькам, и ятудхани потащила его прочь, пока он брыкался и сопротивлялся. Грудь Катьяни сжалась от страха. Бхайрав не мог отбиться даже от человека, не говоря уже о ятудхани.

– Иди, помоги ему, – крикнула она Айану.

– Если я нарушу наш строй, мы оба умрем.

Он остался у нее за спиной и, хрипя, блокировал еще один удар булавы.

– У Бхава все хорошо, – изумленно сказал он.

Катьяни ничего не могла с собой поделать; она на долю секунды оторвала взгляд от яту, чтобы оглянуться назад. Бхайрав высвободился из лап ятудхани и теперь держал ее на расстоянии с помощью меча, сражаясь с такой скоростью и свирепостью, что она никогда бы не поверила, если бы не видела своими глазами. Ее наполнили облегчение и гордость.

Но это чувство было недолгим. Она снова обратила свое внимание на яту и увидела, как они приближаются к ней с явным намерением прикончить. Две дубинки взметнулись в направлении ее головы. Она отпрыгнула в сторону, рубанула по одной из державших их рук, и подняла свой меч, чтобы заблокировать удар другой. Но что-то твердое ударило ее сбоку по голове. Мгновение она не могла понять, что произошло. Не могла думать. Она споткнулась и упала. Ошеломленная и пронзенная болью, она лежала на земле, и ее дыхание вырывалось короткими вздохами.

– Катьяни!

Айан блокировал сразу две булавы.

– Вставай!

Впервые в жизни она утратила контроль над ситуацией. Черные точки заплясали у нее перед глазами. Позади нее раздался ужасный крик, но она не смогла разобрать, был ли это Бхайрав или ятудхани.

Яту поднял свою дубинку, чтобы прикончить ее. Она, замерев, уставилась на его устрашающее лицо.

Удара так и не последовало. Вместо этого в лоб яту попала стрела, и дубинка выпала из его руки. Его налитые кровью глаза потеряли фокус, и чудовище повалилось на землю.

Откуда взялась стрела? Даже будь Бхайрав способен на такой выстрел, у него не было лука.

Двигайся, дура. Катьяни схватила свой меч и вскочила на ноги, не обращая внимания на пульсирующую боль в голове и щеке. Она побежала вперед и вонзила нож в шею ближайшего яту, еле сдерживая тошноту, когда из его разорванного горла потекла дурно пахнущая серая жидкость. Он отшатнулся, ревя от боли.

Еще одна стрела вонзилась в лоб яту, который боролся с Айаном, пытаясь отобрать у него меч. Катьяни бросила быстрый взгляд назад. Бхайрава больше не было видно, но ятудхани лежала мертвая на земле, а ее голова оказалась отделена от тела. Неужели это сделал Бхайрав? Она молилась, чтобы с ним все было в порядке.

Теперь осталось только два яту. Тот, что был с лошадьми, исчез в лесу, прихватив с собой ведро. Катьяни подняла свой меч, чтобы отразить булаву раненого яту, но, прежде чем она смогла парировать и нанести удар, вечерний воздух рассекла вспышка золотого лезвия. Молодой человек в развевающихся небесно-голубых одеждах легко приземлился рядом с ней и обезглавил яту одним плавным ударом.

Последний яту попытался убежать. Но, продемонстрировав невероятную силу и скорость, юноша метнул свой меч в спину убегающего чудовища, мгновенно свалив его с ног. Оружие должно быть довольно мощным, чтобы сразить такого крупного яту. А человек, который мог сделать это в такой спокойной, непринужденной манере, должен был быть по-настоящему могущественным. Юноша даже не запыхался. Меч вернулся к нему в руки, и на мгновение воцарилась тишина. Перед ними лежали шесть яту и одна ятудхани, их гнилостный запах наполнял воздух.

Бхайрав... где он? Катьяни резко обернулась:

– Бхайрав?

Он высунул голову из-за дерева, взъерошенный, с дикими глазами.

– Да. Я здесь.

Ее наполнило облегчение столь острое, что стало почти болезненным. Она неуверенно рассмеялась:

– Богиня, Бхав, ты прятался?

– Конечно да, – сказал он. – Они все мертвы?

– Да, благодаря искусной стрельбе из лука и владению мечом этого джентльмена.

Айан вложил свой меч в ножны и поклонился незнакомцу.

– Спасибо за спасение наших жизней, Айрия. Мы у вас в долгу. Меня зовут Айан, а этот мальчик, прячущийся за деревом, – мой трусливый двоюродный брат Бхайрав, хотя сегодня он проявил таланты, о которых мы и не подозревали. А эта леди – наша сестра, Катьяни.

Незнакомец коротко кивнул. Он был высок и хорошо сложен – даже выше принцев, – и у него было строгое, красивое лицо с высокими скулами и длинными блестящими ресницами. На нем были одежды монаха или нищего, но он казался ненамного старше их. Его волнистые черные волосы были откинута с лица, за исключением единственной упавшей на лоб пряди. С луком за спиной и мечом в руке он мог бы сойти за монаха-воина из одной из народных сказок, которые Катьяни читала в детстве.

Он посмотрел на Катьяни, оглядывая ее забрызганную кровью одежду, глубокую рану и татуировку на шее. Она уставилась на него в ответ, встревоженная его вниманием, хотя и не могла сказать почему. Возможно, из-за того, что он мог подумать о ее татуировке. Любой, кто обладал достаточной духовной силой, мог бы распознать в ней знак магической связи.

Или, возможно, все дело в том, что его взгляд был таким пристальным. *Я вижу тебя*, – читалось в нем. – *Я знаю тебя*.

Конечно, это было абсурдно, потому что она никогда в жизни не встречала этого мужчину. Она бы запомнила, будь это так.

Он первым отвел от нее взгляд.

– Вы должны убить лошадей, – сказал он спокойным глубоким голосом.

– Что? Почему? – пробормотала она. – Мы наверняка можем спасти их.

– Мы хотели подарить их гурукуле Ачарье Махавиры, – сказал Айан.

Бхайрав присоединился к ним. Его волосы были растрепаны, лицо в синяках, одежда порвана.

– Это очень хорошие лошади, – вмешался он. – Превосходного качества.

– Лошадей обратили, – произнес юноша так медленно, словно разговаривал с ребенком. – Яту выпивают их кровь и заменяют ее на жидкость из своего собственного организма, подчиняя своей воле.

Каким же будничным тоном он произнес эти страшные слова... Катяни не могла оторвать от него взгляд.

– Что? – спросил Бхайрав, указывая дрожащим пальцем на необычайно спокойных животных. – Вы хотите сказать, что теперь они лошади яту?

– Да.

– Но если мы убьем лошадей, как мы доберемся до гурукулы? – спросил Айан.

Юноша бросил многозначительный взгляд на ноги Айана. Все было ясно без слов.

– Мы ни за что не успеем вовремя, – сказал Айан. – А нам говорили, что опаздывать нельзя. Нас наверняка накажут.

– Лучше добраться живым и невредимым, чем не добраться вообще, – сказала Катяни, до которой наконец дошло, что нужно что-то сказать. Она заставила себя отвернуться от прекрасного незнакомца и вместо этого стала разглядывать лошадей. Они были неподвижны, словно статуи, а их глаза приобрели мутный красноватый оттенок. Она вспомнила, как они спокойно стояли, пока яту пили их кровь. Нормальные лошади сломали бы упряжь и сбежали. Нормальные лошади прямо сейчас щипали бы траву.

Во рту появился кислый привкус.

– Что ж, если с этим ничего не поделаешь, я избавлю их от страданий.

Отчасти она надеялась, что один из принцев предложит разделить с ней это ужасное бремя, но они, опечаленные, лишь опустили головы. И Айан, и Бхайрав любили лошадей, поэтому она их не винила. Но, черт возьми, ей они тоже нравились.

Но *это* уже были не лошади. Это были существа в форме лошадей, которые становились тем опаснее, чем дольше им позволялось жить.

Она схватила свой меч и, едва держась на ногах, подошла к животным. Катяни ненавидела то, что собиралась сделать. Она отстегнула упряжку и велела принцам откатить карету назад. Даже для ее собственных ушей слова прозвучали необычайно глухо.

Когда карета отъехала в сторону и она убедилась, что вокруг существ с мертвыми глазами достаточно свободного места, она начала умерщвлять лошадей одну за другой. Перерезая сонные артерии и яремные вены на их шеях, она старалась не думать о том, что делает. Из животных хлынула кровь, но не так сильно, как того можно было ожидать. Яту уже наполовину обескровили их. Никто из лошадей не пошевелился и не выказал никаких признаков страха даже тогда, когда первая из них рухнула на землю. Катяни тошнило одновременно и от того, что с ними сделали, и от того, что приходилось делать ей самой. Она никогда не хотела ехать в гурукулу и умоляла, чтобы ее избавили от этой обязанности. А теперь ей предстояло разбираться со всем этим беспорядком. Если бы она все еще чувствовала связь с Хемлатой,

то показала бы ей свою злость, заставила бы ее почувствовать хоть каплю тех чувств, которые вызывало все происходящее.

Когда с последней лошадей было покончено, она отошла от их дергающихся тел и, борясь с головокружением и дезориентацией, прислонилась к стволу дерева. Умерщвлять невинных животных оказалось труднее, чем сражаться с яту. В висках пульсировало сильнее, чем когда-либо прежде. Они все еще стояли посреди смертельно опасного леса, и им оставалось преодолеть еще несколько миль, прежде чем они доберутся до безопасного гурукула. Как им справиться со всем этим?

Позади нее захрустели листья.

– Вот, – произнес спокойный голос. – Дыши.

Незнакомец стоял рядом с ней, держа в руках маленький матерчатый мешочек, наполненный ароматными травами. Она посмотрела на него со смешанным чувством удивления и подозрения. Но вряд ли он спас их от яту только для того, чтобы затем отравить сладко пахнущими травами. Наклонившись вперед, она глубоко вдохнула, и у нее голове прояснилось.

– Оставь их себе. Тебе это еще понадобится.

Он сунул мешочек ей в руку и отвернулся.

– Куда ты идешь? Кто ты? – выпалила она, опасаясь, что больше никогда его не увидит. Что, впрочем, было глупо. Почему ее должно волновать, увидит она его снова или нет?

Но он не ответил. Она смотрела, как он уходит на юго-запад, и ее грудь сжалась от странной смеси сожаления и раздражения. Через минуту он затерялся в темноте надвигающейся ночи. Лес сомкнулся вокруг, густой и беспокойный. И он казался уже не таким дружелюбным, каким был в присутствии того притягательного юноши. За их спинами зазвучал хор сверчков. Подлесок зашуршал, и у нее скрутило живот от мысли о том, в какой ситуации они оказались и что она должна защищать принцев от диких зверей, вета, змей, скорпионов.

– Ну, это было странно, – заметил Айан. – Он даже не назвал нам своего имени.

– Мы можем уйти отсюда? – взмолился Бхайрав. – От этих гнилых туш меня тошнит.

– А как насчет экипажа и всех наших вещей? – спросил Айан.

– Мы должны оставить карету, – сказала Катьяни, быстро соображая. Мертвые тела привлекают падальщиков, так что лучше всего было уйти как можно скорее. – То, что сможем, мы унесем с собой, а позже одолжим лошадей в гурукуле и заберем остальное.

Выбрать, что брать с собой, было непросто. В конце концов, они взяли побольше еды и воды на следующие два дня, лампу, серебряную амфору с золотыми монетами и кошелек с драгоценными камнями, которые королева Хемлата выбрала в качестве подарков из сокровищницы, и коробку ладду из нутовой муки. Ладду были символом изобилия и благополучия, и, кроме того, было бы неправильно приходить в гурукулу с пустыми руками. Неважно, в каких тяжелых обстоятельствах они оказались.

Следующие несколько дней были просто ужасны. Катьяни знала, что им нужно идти на юго-запад, и они даже нашли какую-никакую тропинку. Девушка могла продолжать движение в правильном направлении, но она понятия не имела, как далеко они находились от гурукулы. Принцам приходилось совсем худо. Она же, несмотря на боль и усталость, сохраняла внешнее спокойствие и подгоняла их всякий раз, когда они замедлялись. Сначала они пытались воспринимать все это как приключение. Но страх вновь подвергнуться нападению яту держал их начеку и ни на секунду не давал покоя. Орды комаров преследовали их ночью, а крошечные черные мухи – днем. Они наткнулись на манговые деревья, но побоялись залезать на них и срывать плоды, потому что на таких деревьях часто обитали вета.

На второй день у них закончилась еда, но они нашли ручей с чистой водой, наполнили пустые тыквенные фляги и промыли раны. В конце концов у них осталась только коробка с ладду. Катьяни пришлось пригрозить, что она изобьет принцев, если они попытаются их съесть.

Всякий раз, когда у нее кружилась голова или слишком сильно болели раны, она открывала матерчатый мешочек, который дал ей незнакомец, и вдыхала аромат трав. Травы не перестали действовать даже тогда, когда аромат стал слабее. Однажды, когда они отдыхали под палящим полуденным солнцем, а облако насекомых раздражающе жужжало у них над головами, Айан спросил ее, что там в мешочке и почему она продолжает его нюхать. Она не ответила. Возможно, ей следовало поделиться травами с принцами, но она не могла заставить себя это сделать. Он подарил их ей. К тому же это она умертвила лошадей, так что честно заслужила этот подарок.

Вечером третьего дня лес поредел и уступил место аккуратным квадратам участков возделываемой земли. Голодные и со стоптанными ногами, троица, едва веря своим глазам, остановилась перед рядами посадок фасоли, душистого горошка, баклажанов, тыкв и бамии. Вдоль участков тянулась каменная стена высотой в десять футов, увитая эпипремнумом и бугенвиллией; вдалеке за ней, на холме, возвышалась пагода. Встроенные в стену деревянные, укрепленные кованым железом ворота были приоткрыты, словно приглашая их войти.

Катьяни готова была заплакать от облегчения. После, казалось бы, бесконечных дней блуждания в темноте они, наконец, вернулись в лоно цивилизации. Ей не терпелось принять ванну, смазать раны мазью, надеть чистую одежду и снова нормально поесть.

– Может, съедим баклажаны прямо так, сырыми? – спросил Бхайрав, разглядывая грядки с овощами. – В некоторых частях Бхарата такое блюдо сочли бы деликатесом.

– Нет. Сырые баклажаны вызовут несварение желудка, – ответила Катьяни, таща их обоих к воротам. – У вас еще будет время, чтобы поесть. Прежде всего нам нужно представиться.

– Прямо так? – спросил Айан, показывая на их грязную, изорванную одежду.

Все трое выглядели настолько грязно и неопрятно, насколько это вообще было возможно. Но с этим ничего нельзя было поделать. Оставалось надеяться, что Ачарья Махавира не придает слишком большого значения внешнему виду.

– Мы объясним, что произошло, – сказала Катьяни. – Это не наша вина.

Однако стоило им приблизиться, как ворота затворились и засов с лязгом захлопнулся. Катьяни в отчаянии посмотрела на двери. Неужели после всего, через что они прошли, гуру-кула их не примет?

– Скажи им, что, если они нас не впустят, мы съедим все их овощи, – прошептал Айан.

– Тихо, – прошипела она, хотя и сама была достаточно голодна, чтобы наброситься на тот сладкий горошек. – Ты хочешь принять ванну и надеть чистую одежду, так ведь?

Она подняла свой меч и громко постучала по воротам рукоятью.

– Назовите себя, – раздался изнутри ледяной голос. Он казался смутно знакомым, но она не могла вспомнить откуда.

Она ткнула Айана локтем. Он шагнул вперед и низко поклонился.

– Приветствую. Я наследный принц Айан из Чанделы. Это мой двоюродный брат, принц Бхайрав, а это наша приемная сестра Катьяни. Мы смиренно просим Ачарью Махавиру принять нас в качестве своих учеников.

– Что у вас с собой? – спросил голос.

– Мы привезли зерно, одеяла и одежду, но, к сожалению, по дороге на нас напали яту, – объяснил Айан. – Большая часть наших вещей все еще в карете. Позже мы их заберем.

– Что у вас с собой? – повторил голос.

– У нас есть одна коробка ладду, – сказал Бхайрав.

– И драгоценности из сокровищницы нашего королевства, которые мы просим вас принять, – добавила Катьяни, протягивая амфору и кошелек.

– В третий и последний раз спрашиваю, что у вас с собой? – спросил голос. Он стал жестче.

О нет. Это была загадка. Разве этот человек не мог сначала предупредить их об этом? Катяни приложила палец к губам, заставляя принцев замолчать.

– У нас с собой наши умы, жаждущие учебы, наши руки, жаждущие работы, и наши сердца, открытые для знаний, – сказала она, надеясь, что это удовлетворит их собеседника.

Ворота со скрипом отворились. За ними простирался обширный внутренний двор, посреди которого стоял один-единственный пипал. Вокруг расположились низенькие белые здания с соломенными крышами. По краям двора тянулись цветочные клумбы, а веранды и окна были украшены растениями в горшках. В дальнем конце двора находилось самое высокое здание, пагода высотой в три этажа, переливающаяся золотом в лучах заходящего солнца.

Но внимание Катяни привлек только молодой человек, стоявший у ворот в окружении группы учеников в голубых одеждах. Земля ушла у нее из-под ног. Это был тот незнакомец, что спас их от яту. Только вот теперь его прекрасное лицо выражало такое каменное безразличие, как будто он никогда прежде их не видел.

Глава 4

– Вы – это он, – вырвалось у Айана. – Ачарья Махавира!

Один из учеников кашлянул и выступил вперед.

Он был на несколько лет старше их, худой, как палка, лопухий и с серьезным лицом.

– Ты ошибаешься, принц, – сказал он. – Это Айрия Дакш, сын Ачарьи Махавиры. Меня зовут Варун, я отвечаю за прием новичков.

Даки. Он что, умер бы, если бы представился им сразу, при первой встрече? И почему он кажется таким злым? Его лицо выглядело так, словно было высечено из гранита. Может быть, это было его нормальное выражение лица? Даже убивая яту, он и бровью не повел.

Катьяни оторвала от него взгляд и протянула Варуну амфору, кошелек и ладду.

– Пожалуйста, примите эти скромные знаки нашего уважения, – продекламировала она, как и велела Хемлата.

Варун принял подношения и передал их другому ученику.

– Пойдемте со мной, и я покажу вам вашу хижину, – сказал он Айану и Бхайраву.

Катьяни собралась последовать за принцами, но Варун поднял ладонь.

– Не ты, леди. Пожалуйста, подожди здесь. Я попрошу одну из учениц отвести тебя в их покои.

– Я останусь с принцами, – быстро ответила Катьяни. – Я королевская телохранительница Чанделы.

Ученики ахнули и зашептались. Дакш усмирил их одним взглядом.

– Она наша приемная сестра, – поспешно добавил Айан. – Мы просим вас позволить ей остаться с нами.

– Крайне непозволительно, – сказал Варун. Он посмотрел на Дакша, и тот слегка кивнул. Если бы Катьяни пристально за ним не наблюдала, то не заметила бы этого жеста. – Что ж, хорошо. Ты можешь остаться со своими братьями.

Дакш не произнес ни слова. Он даже не взглянул на нее – по крайней мере, явно. И на его лице все еще читалось то же выражение холодного безразличия. *Ты спас нас от яту, –* хотелось ей крикнуть. – *Ты дал мне те ароматные травы! Ты что, не можешь хотя бы поздороваться?* Она знала, что должна последовать за принцами и Варуном, но ничего не могла с собой поделать.

Она сложила руки вместе и поклонилась:

– Спасибо вам за помощь в битве против яту, Айрия Дакш. Было бы весьма полезно, если бы вы задержались еще на минуту и указали нам, как добраться до гурукулы. Мы могли бы прибыть на несколько часов раньше.

Он ничего не сказал, лишь бесстрастно посмотрел на нее своими глубокими, темными глазами. Что ж, по крайней мере, она заставила его посмотреть в ее сторону. У нее возникло внезапное желание показать ему язык, чтобы добиться хоть какой-то реакции. Она закусила губу, чтобы подавить смешок, и с удовлетворением увидела, как на его лбу появилась небольшая складка.

– Леди, мы вмешиваемся только в том случае, если жизни наших гостей в опасности, – сказал Варун. – Что касается остального, предполагается, что вы должны сами найти сюда дорогу. Многие поворачивают назад при первом же намеке на опасность. Наша гурукула не для трусов или дураков. Воспринимайте ваше путешествие сюда как проверку вашей стойкости и духовной силы.

– Что? Яту были чем-то вроде вступительного испытания? – спросил ошеломленный Бхайрав. Без сомнения, в ту секунду он думал о том, как ятудхани тащила его за волосы и чуть не сожрала заживо.

– Лес населен разнообразными чудовищами и духами природы, – сказал Варун. – Все путешественники сталкиваются с той или иной проблемой. Например, принц Соланки подвергся нападению ветапы, и только вмешательство Айрии Уттама, старшего сына Ачарьи, спасло ему жизнь. Если каким-то чудом ученик прибывает без происшествий, то мы не впускаем его, пока он неделю не проведет в лесу без запасов еды и пресной воды.

– Что ж, нам повезло, что мы отделались съеденным кучером, – саркастически сказал Бхайрав.

«Замолчи, позволь мне говорить», – произнесла Катьяни на языке жестов, и Бхайрав затих.

– Кучер стал невинной жертвой вашего испытания, – сказала она. – Мы выплатим компенсацию его семье, но его уже не вернуть. Вы должны были предупредить нас заранее; мы были бы лучше подготовлены, и никто не лишился бы жизни.

Варун обменялся взглядами с Дакшем.

– Мы сожалеем, что не прибыли вовремя, чтобы предотвратить эту трагедию. Но для нас это стало полной неожиданностью. Яту в Нандоване обычно не вмешиваются в дела людей. Мы держимся подальше от них, а они от нас. Похоже, что их заинтересовали именно вы.

От его слов по спине Катьяни пробежал холодок. Она и не подумала об этом.

– Что вы имеете в виду? – потребовал ответа Айан.

– Принц, ты должен знать это куда лучше меня, – сказал Варун.

Айан открыл рот, чтобы возразить, но Катьяни поймала его взгляд и покачала головой. Варун был прав. Короли Чанделы изгнали яту из своего королевства. Возможно, некоторые из них поселились в Нандоване. Тогда и они, и их потомки будут искать возможность отомстить ненавистной королевской семье Чанделы. Но не было никакого смысла обсуждать это при посторонних.

– Сколько новых учеников вы ожидаете в этом году? – спросила она вместо этого.

– Пятнадцать, включая вас троих, – сказал Варун. – Принца Соланки сопровождает его двоюродная сестра, так что вы будете не единственной девушкой.

– Какая удача, – пробормотала Катьяни. – Здесь всегда было так мало девушек?

Мгновение Варун колебался:

– Я не знаю. Пожалуйста, пойдемте уже со мной. У меня есть и другие обязанности, о которых нужно позаботиться.

Все трое поклонились Дакшу, получив в ответ едва заметный кивок, словно он был королем, а они – его скромными подданными. Катьяни раздраженно задрала подбородок. *Вот так, значит, да? Я собираюсь заставить тебя пожалеть о таком отношении, и, вот увидишь, я сдержу свое слово!*

Она бросила на него холодный взгляд – не то чтобы он это заметил, – и они последовали за Варуном вглубь огромного, вымощенного камнем двора гурукулы. Пока они шли, шею Катьяни покалывало от ощущения окружающей их сильной магии. Она посмотрела на принцев, и они оба с помощью языка жестов дали ей понять, что почувствовали то же самое. Мощные чары на стенах гурукулы, которые не пустят незваных гостей – людей и, как она предполагала, чудовищ. Что ж, это делало гурукулу весьма безопасным местом для принцев.

Древнее дерево пипал в центре двора укрывало под своими раскидистыми ветвями каменный колодец. Вокруг стояло множество белых хижин, но они были прижаты к внешней стене, оставляя посередине много открытого пространства.

Варун махнул рукой на пагоду в противоположном конце двора. Здание было окружено засаженной растениями верандой, справа от него росло небольшое цитрусовое дерево.

– Именно там Ачарья Махавира проводит свои занятия по воспитанию нравственности и государственному управлению. На втором этаже находится библиотека, которую вы можете

посещать в сопровождении старшего ученика, например меня. На верхнем этаже находятся личные покои Ачарьи.

– А где кухня? – спросил Айан. – Где все едят?

Катьяни оживилась. Она умирала от голода. Хотя прямо сейчас ванна была куда предпочтительнее, чем еда. От нее наверняка пахло кровью яту и дохлыми лошадьми. Изнурительное путешествие по лесу ситуацию не исправило. Чайя бы заплакала при виде ее волос, которые сейчас представляли собой спутанное месиво из грязи, листьев и мертвых насекомых.

Варун указал на длинное низкое здание справа от пагоды.

– Это обеденный зал. Кухня находится за ним. Прием пищи осуществляется два раза в день – в полдень и в семь часов вечера. Сейчас шесть тридцать. У вас есть полчаса, чтобы умыться и собраться. Я уверен, что вы голодны.

Какое сильное преуменьшение, – подумала Катьяни, и в животе у нее заурчало.

Юноша указал на здание без окон напротив столовой.

– Это оружейный склад. Все оружие в гурукуле предано Ачарье, включая то, что вы принесли с собой.

– Что это значит? – спросил Бхайрав.

– Здесь никто не может поднять оружие против него, – самодовольно сказал Варун.

Это было невероятно. Ачарья оказался даже более могущественным, чем предполагала Катьяни.

– Хижина поменьше слева от оружейной – это женское общежитие, – продолжил Варун.

Женское общежитие было отделено от других хижин не только расстоянием, но и кирпичной стеной высотой в три фута с деревянной калиткой. Стена была увешана горшками с нарциссами, подсолнухами и ароматными травами. Хижина выглядела очень славно, но стена вокруг нее казалась неуместной.

– Почему там стена? – спросила Катьяни. – И почему стена такая низкая? Она никого не сможет остановить.

Варун надменно улыбнулся:

– Стена символична. Она олицетворяет пропасть между мужчиной и женщиной. Никто не смеет ее пересечь.

Катьяни фыркнула. Принцы ничего не сказали, но она знала, что они едва сдерживаются, чтобы не рассмеяться. В королевстве Чандела мужчины и женщины жили бок о бок без каких-либо преград и куда чаще, чем в других местах, выходили за рамки положенных ролей. За исключением принцесс. Бедная Рева. Хотела бы Катьяни знать, как у нее идут дела. Стало ли Хемлате легче с ней справляться после того, как они уехали? А королева – скучала ли она по Катьяни так же, как Катьяни скучала по ней? Она потеряла тагуировку на своей шее, как будто могла призвать Хемлату. Но бабочка не пробудилась, и пространство в ее душе оставалось безмолвным. Подавив вздох, она опустила руку.

Они остановились перед маленькой хижинкой, точно такой же, как и все прочие. Два окна, узкое крыльцо, увитое лианами, и вход, завешенный травяным ковриком.

– Вот отведенная вам комната, принцы, – сказал Варун. – Здесь только два тюфяка, но я попрошу кого-нибудь принести дополнительные постельные принадлежности для вашей сестры-телохранительницы.

– Где мы можем искупаться? – спросил Бхайрав.

– За гурукулой есть ручей, – сказал Варун. – Время купания для мужчин – с пяти до шести утра. В хижине вы найдете полотенца и антисептическую мазь из нима для обработки ваших ран.

Он поклонился и ушел прежде, чем они успели ответить.

Бхайрав невесело рассмеялся:

– Я скорее смирюсь с тем, что не буду мыться, пока мы не вернемся домой.

– Завтра утром перед уроками ты пойдешь и приведешь себя в порядок, – сказала Катьяни. Ей еще предстояло выяснить, где купаются женщины. Она была грязной, усталой и разгоряченной, а ноги болели так, словно она прошла по раскаленным углям. – Мы должны обходиться тем, что у нас есть.

Бхайрав и Айан смотрели на хижину без капли энтузиазма. Даже у дворцовых слуг комнаты были побольше, чем эта. А в спальне Катьяни с легкостью могли бы поместиться три такие хижины. Но она не собиралась беспокоиться из-за таких мелочей и принцам тоже этого не позволит.

Она поднялась по ступенькам на крыльцо и откинула травяную занавеску. В углу стояла незажженная лампа, по сторонам комнаты расположились соломенные кровати. Здесь же стоял низкий столик, на нем пристроились кувшин с водой и маленькая баночка зеленовато-коричневой пасты – скорее всего, это и была мазь из нима. На каждой из постелей лежало по небесно-голубой робе. На торчащем из стены крючке висело несколько полотенец.

– Давайте, вы двое, – подозвала она. Принцы вошли и в удрученном молчании оглядели суровую обстановку.

– Давайте умоемся и воспользуемся этой пастой из нима, – быстро сказала она, прежде чем кто-то из них смог начать жаловаться. Она намочила одно из полотенец в кувшине и протерла лицо и руки, морщась от боли, когда задевала свои многочисленные порезы. Принцы последовали ее примеру. Она заставила их сидеть неподвижно и нанесла мазь на их раны, а затем Бхайрав сделал то же самое для нее. Когда он наносил мазь на рану на ее голове, его лицо сосредоточенно сморщилось. Сначала мазь немного жгла, но затем охладила кожу, уменьшив боль. Пока принцы переодевались в свои новые одежды, Катьяни вышла на крыльцо и, усевшись, начала пальцами распутывать волосы.

Вскоре к ней подошел молодой ученик с застенчивой улыбкой и вздернутым носом. Он принес для нее травяной коврик, хлопчатобумажную простыню и комплект одежды, которые Катьяни с благодарностью приняла.

– Где купаются женщины гурукулы? – спросила она.

– Там же, где и мужчины, – сказал он ей. – За гурукулой есть водопад и ручей. Поверни налево от ворот и иди, пока не дойдешь до манговой рощи. Ручей находится прямо за ней. Ты его не пропустишь.

Она отложила в сторону чистую одежду и решила, что наденет ее только после того, как искупается в ручье, и сделает она это в ту же ночь. В такой близости от гурукулы не должно было быть никаких чудовищ. Она, конечно же, будет в безопасности. А поскольку мужчины могли мыться лишь один жалкий час между пятью и шестью утра, ручей был в ее полном распоряжении.

Появились принцы, одетые в свои новые одежды, форму гурукулы, и они все вместе, опасаясь пропустить угощение, поспешили в обеденный зал. Туда же направлялись и другие ученики, и с некоторыми из них они успели быстро друг другу представиться. Люди пялились на татуировку Катьяни, но были слишком вежливы, чтобы задавать вопросы. Наверное, они никогда раньше не видели людей с магической связью, так что ее присутствие в гурукуле в качестве то ли ученицы, то ли телохранительницы, не могло не вызывать любопытства.

Такое внимание ее смущало. Впервые в жизни она пожалела, что не обернула вокруг шеи дупатту. Она не стыдилась своей метки. Она была ее частью точно так же, как и частью королевы. Ей было интересно, что бы сказала Хемлата всем этим любознательным зрителям. *Завидуют нашей связи*, – прошептала бы она, поцеловав татуировку на своей ладони и одаривая Катьяни той особенной улыбкой, которая предназначалась лишь ей одной.

Мысль о Хемлате сняла груз с ее плеч, и она вошла в обеденный зал с высоко поднятой головой.

Зал представлял собой весьма уютное пространство, освещенное масляными лампами и наполненное ароматом трав. Открытые окна впускали свежий воздух, а висящая на них сетка защищала от комаров. На подоконниках теснились горшки с кориандром, мятой и священным базиликом, а центр зала занимал длинный низкий стол, окруженный подушками. Стол был уставлен медными тарелками и чашами, поблескивающими в свете ламп. Он легко мог бы вместить сотню человек, но в зале присутствовало менее половины от этого числа. Почти все из них были мужчинами, одетыми в одинаковые голубые робы. Никто еще не сел; все стояли у стен и разговаривали вполголоса, так что Катьяни и принцы тоже остались стоять. Служители подносили к столу блюда с дымящимся овощным супом, тарелки с фруктами, корзиночки с лепешками и кувшины с ласси. От их аромата у Катьяни потекли слюнки.

Наконец высокий, костлявый мужчина с копной седых волос, пронзительными черными глазами, длинной бородой и кривым деревянным посохом вошел в зал в сопровождении группы из полудюжины старших учеников. В отличие от всех остальных, он был одет в белые одежды. В нем чувствовалась такая сила, что она сразу догадалась, кто это такой. Еще до того, как все поклонились, и Варун подвел его во главу стола.

Итак, это был знаменитый Ачарья Махавира. Катьяни уставилась на него. Его одеяние было измято, волосы растрепаны, борода всклокочена, а его посох напоминал вовсе не отполированную палку, а грубую черную ветку.

Остановив на ней свой пристальный взгляд, он нахмурился. Она поспешно опустила глаза.

– Сядьте, – сказал он строгим голосом, и все тут же повиновались. Катьяни сидела на подушке между принцами в конце стола. Самые старшие ученики сидели рядом с Ачарьей. Несколько женщин кучковались в центре.

Справа от Ачарьи сидел красивый мужчина, который походил на него так, как молодое дерево походит на старого, корявого представителя своего вида. Должно быть, это был Уттам, его старший сын. Он был того же роста и телосложения, что и Дакш, но больше похож на своего отца. У него были такие же пронзительные глаза и такая же копна непослушных волос, за исключением того, что его волосы были черными. Однако самая большая разница между двумя братьями заключалась в выражении их лиц. Лицо Уттама было добрым, спокойным и серьезным, и в то же время приветливым. Именно к такому человеку хочется обратиться за помощью. Может, Дакш был не менее талантлив, чем его старший брат, но от него так сильно веяло холодом, что, прежде чем ты решишься обратиться к нему за помощью, твой дом уже успеет наполовину сгореть.

Катьяни оглядела обеденный зал в поисках младшего сына Ачарьи, но его нигде не было видно. Видимо, он был слишком высокого мнения о себе, чтобы сесть за стол с обычными учениками. Впрочем, среди этих обычных учеников было немало принцев Бхарата.

Ачарья прочитал над едой простую благодарственную молитву. После этого Варун встал и откашлялся.

– Я повторю несколько правил для новых учеников, которые прибыли сегодня. Прежде чем сесть, всегда ждите, пока это сделает Ачарья Махавира. Перед началом трапезы сбрызните тарелку несколькими каплями воды. Во время еды не должно быть никаких разговоров. Наполните свой желудок, но не будьте жадными. Всегда носите форму гурукулы.

Он сделал паузу, чтобы бросить многозначительный взгляд на Катьяни. Она сделала вид, что ничего не заметила.

– Мойте руки до и после еды. После еды расходитесь по своим хижинам. Ночью вы должны соблюдать покой и выходить лишь в случае необходимости.

Поторопись, ты, напыщенный дурак, – подумала Катьяни. – *Я умираю от голода.*

– Раз в неделю, каждый понедельник, мы постимся, – продолжил Варун. – По понедельникам не готовят и не едят никакой еды. Любой, кого поймают за едой, будет строго наказан.

Айан раскрыл рот от ужаса.

«Я умру», – сказал Бхайрав на языке жестов.

«Нет, если я прежде сама с тобой расправлюсь», – парировала Катьяни.

До понедельника оставалось два дня. Итого – сегодняшний и завтрашний день на то, чтобы наестся впрок.

Наконец им разрешили поесть. Катьяни разбрызгала несколько капель воды по своей тарелке, как это сделали остальные, и принялась за еду. Какое-то время она была слишком занята тем, что наполняла свой изголодавшийся желудок, чтобы обращать внимание на кого-либо еще. Еда была вкусной, хотя и пресной по сравнению с той, к которой она привыкла. Очевидно, в гурукуле не одобряли специи, лук и чеснок. После третьей порции лепешек и овощной смеси она смогла замедлить темп и осмотреться.

Здесь были ученики всех возрастов. Она предположила, что самые молодые из них были в основном такими же новичками, как и она сама. Те, что постарше, наверняка возвращались сюда год за годом. А некоторые, видимо, живут здесь постоянно. *Какой кошмар.*

Ачарья Махавира закончил есть и поднялся вместе с Уттамом.

– Завтра в семь утра будет первое занятие, – объявил он грубым голосом. – Опоздавших на урок не допустят.

Он вышел в сопровождении своей свиты из старших учеников. Все остальные тоже встали, чтобы уйти. Болтая, они отодвигали подушки к стенам и складывали использованные тарелки на стол, чтобы помочь служителям их убрать. Время приема пищи закончилось, а значит, больше не нужно было соблюдать тишину. Бхайрав схватил лепешку и сунул ее в карман.

– Я почти уверена, что служитель все заметил, – прошептала ему Катьяни, складывая их тарелки аккуратной стопкой. – Не делай так больше.

– Это на понедельник, – сказал он ей. – Ты же знаешь, что я не могу поститься.

– Ты можешь и будешь, – сказала она, когда они вышли. – Помни, королева велела вам двоим проявить себя. Думайте об этом как о тренировке, которая проводится лишь раз в жизни.

– Тренировка, мать ее, – пробормотал Бхайрав себе под нос.

Оба принца слишком устали, чтобы задерживаться и разговаривать с остальными учениками. Но в любом случае большинство людей, кажется, сразу направились в свои комнаты. Троица вернулась в свою хижину.

– Я не выживу в этом месте, – объявил Бхайрав, бросаясь на свой тюфяк. Со стоном он начал крутиться и ворочаться. – Это похоже на ложе из гвоздей.

– Не говори глупостей, – пробормотал Айан, закрывая глаза. – Гвозди удобнее, чем это.

– Твоя мать нас ненавидит, так ведь? – спросил Бхайрав. – Она ненавидит нас и хочет, чтобы мы страдали.

– Она хочет, чтобы мы оставались сильными в любой ситуации.

Айан зевнул:

– Спи. Нам предстоит проснуться в пять, если мы хотим смыть с себя всю эту гадость яту.

Это напомнило Катьяни о невероятном подвиге Бхайрава, когда он обезглавил ятудхани.

Он всегда был самым слабым из них троих, но в критической ситуации смог себя проявить. Таной гордился бы им. Все их дополнительные занятия себя оправдали.

– Я не могу поверить, что ты убил ятудхани, – сказала она. – Ты скрывал свои способности все эти годы? Так ведь, Айан?

Но Айан уже спал – его лицо обмякло, рот был приоткрыт.

Катьяни хихикнула:

– Помнишь, как мы клали ему в рот кузнечиков?

– Не искушай меня. Что ты за сестра такая? – проворчал Бхайрав себе под нос, ворочаясь.

Катяни задула лампу и устроилась на своем травяном коврикe у входа. Через несколько минут размеренное дыхание Бхайрава подсказало ей, что, несмотря на все жалобы по поводу неудобной постели, он все же заснул.

Было еще слишком рано, чтобы выходить наружу. Некоторые ученики могли до сих пор оставаться во дворе. Катяни попыталась отдохнуть и помедитировать, чтобы опустошить свой разум. Купание в ручье можно было считать необходимостью, но в любом случае, даже попади она из-за этого в неприятности, всегда можно сослаться на свое незнание. Ведь ей назвали часы купания для мужчин, а не для женщин. Но все же лучше было ни с кем не сталкиваться.

Когда на небе засияла половинка луны и Катяни поняла, что время приблизилось к десяти, она схватила свою чистую синюю робу и полотенце. Отодвинув в сторону коврик, закрывающий дверной проем, она высунула голову, проверяя, нет ли кого поблизости.

Но залитый лунным светом двор был пуст. Ветерок шелестел в кронах дерева пипал, стрекотали сверчки. Она обогнула хижину и пошла вдоль стены гурукулы до тех пор, пока не добралась до главных ворот. Стражников не было; возможно, Ачарья не видел в них надобности. Но, будь решение за ней, она, несмотря на все магические чары, организовала бы ночной патруль, в котором все ученики могли дежурить по очереди.

Она выскользнула наружу и закрыла за собой калитку. Лунный свет падал на участки возделываемой земли, превращая скромный огород в нечто необычное и потустороннее. Она прошла вдоль передней стены и повернула налево, направляясь к задней части гурукулы.

Здесь возделываемой земли уже не было. Сал, пипал и шишам росли густо и так близко друг к другу, что их ветви закрывали небо. Она шла вдоль стены до самого конца, туда, где лес сменялся рощей манговых деревьев. Воздух был наполнен сладким, слегка мускусным запахом, заставившим ее чихнуть. Лунный свет отражался от листьев, и она на мгновение подумала о веталах. Манго и баньяны были их излюбленными местами обитания.

Катяни следовала на звук воды, пока наконец не добралась до места своего назначения. Здесь был лишь небольшой водопад, едва ли вдвое выше ее, но в лунном свете он переливался так, словно был живым. Вода собиралась в маленький пруд, а затем, перекатываясь через камни, превращалась в сверкающий ручей. Над прудом склонился большой куст ночного жасмина, его белые звездообразные цветы наполняли воздух своим ароматом. *Идеально.* Чудовища ненавидят жасмин.

Катяни положила робу на камень, развязала хлопчатобумажную повязку, удерживающую волосы, сняла грязные шальвар-камиз и нижнее белье. Хотела бы она их выбросить, но, учитывая, что вся ее одежда застряла в нескольких милях отсюда, в окруженном трупами экипаже, лучше было все это постирать. Но сначала она смочит со своей кожи запекшуюся кровь яту, всю до последней капли.

Обнаженная, она зашла в ручей и задрожала от восторга. Вода была прохладной, свежей и благоухала травами. Она зашла в пруд поглубже и погрузилась под воду с головой. Кусочки грязи начали отставать от ее кожи, из спутанных волос вымывалась пыль. Катяни испытала чувство глубокого умиротворения. Если она сможет делать так хотя бы раз в неделю, ей удастся выжить в этом месте.

Воздух в легких у Катяни закончился, и она спешно вынырнула на поверхность.

Но тут же вскрикнула от неожиданности, набрав полный рот воды.

На берегу ручья, раздетый по пояс, стоял Дакш. С обнаженным торсом он выглядел еще более впечатляюще, чем в одежде. У него были широкие плечи, рельефные мышцы и подтянутый плоский живот.

Видимо, он как раз начал снимать оставшуюся одежду, но теперь замер, смотря на нее с широко раскрытыми глазами и распахнутым от удивления ртом.

Наконец-то на лице у этой ледяной глыбы промелькнули хоть какие-то эмоции, – подумала она сквозь наполнившие ее замешательство и ужас, и это заставило ее рассмеяться –

громким икающим смехом, от которого она потеряла равновесие и чуть не ушла под воду. Чтобы успокоиться, она выпрямилась и зажала рот рукой. *О нет.* Среди всех людей, кто мог застать ее в этой ситуации, этот вариант был самым худшим. А теперь он может решить, что она над ним смеялась. Впрочем, ее не волновало, что он о ней думает.

Он схватил свою робу и надел ее, скрывая от ее заинтересованного взгляда свое мускулистое тело.

– Ты не должна быть здесь, – сказал он ровным голосом, пытаясь нацепить маску холодного безразличия. Но она видела, что он все еще был взволнован.

– Купание – это необходимость, – запротестовала она, используя заготовленное оправдание. – Один из учеников сказал мне, что женщины гурукулы тоже купаются здесь.

– Между четвертью и пятью утра, – отрезал он, одергивая рукава с излишней силой. – Не ночью.

Между четвертью и пятью утра? С ума сойти!

– Никто мне этого не говорил, – ответила она. – В любом случае разве мужчинам не положено мыться между пятью и шестью? Или для вас закон не писан?

Он скривил губы:

– Я не моюсь вместе с другими.

– Как и я.

Из-под воды выглядывали ее обнаженные плечи, так что он отвел взгляд. Катяни подавила смешок. Это были всего лишь *плечи*.

– Слушайте, мне жаль. Это мой первый день, и я не знала о расписании. Я не думала, что нарушаю какие-то правила. Но четыре утра – это слишком ранний час. Несправедливость по отношению к женщинам. Я никому не причиняю вреда, так ведь? Я закончу мыться и вернусь в свою хижину.

– Возвращайся сейчас же, – приказал он.

– Айрия Дакш, по дороге на нас напали яту, – сказала она. – Вы должны помнить, ведь тоже были там. Я вся в запекшейся крови и пахну гнилыми яту и дохлыми лошадьми. Вы вините меня за то, что я хочу привести себя в порядок, прежде чем надеть эту прекрасную голубую робу?

– Я сказал, возвращайся сейчас же.

Он был тверд как камень.

Она скорчила гримасу.

– Когда мы встретились в первый раз, я была впечатлена вашим мастерством владения мечом и стрельбой из лука. Вы отличный боец и убийца яту. Но вы весьма неприятный человек.

– Разве я спрашивал твое мнение?

Он свирепо на нее посмотрел.

– Нет, но я хочу его высказать.

Она подняла руки из воды и неторопливо потянулась, ухмыляясь тому, что он был вынужден снова отвести взгляд.

– Там, откуда я родом, женщинам позволено высказывать свое мнение. Моя королева обладает такой же властью, что и мой король.

– Разве ты не ее рабыня? – сказал он, снова переводя на нее взгляд.

Она замерла, пораженная. Никто и никогда ее так не называл. По крайней мере, не в лицо. Грубиян!

– Да, я связана с ней узами, – сказала она, стараясь говорить ровным тоном.

– Этот вид магии запрещен не просто так, – ответил он.

– Она сделала это, чтобы спасти мою жизнь! И она заботливо воспитывала меня с самого детства.

Королева не просто спасла ей жизнь; она удочерила ее. Именно из-за нее у Катьяни были Айан, Бхайрав и Рева, которых она могла назвать братьями и сестрой. Она выросла с ними, училась с ними, играла с ними. Они были ее семьей, и неважно, что думали другие.

– Если бы она действительно заботилась о тебе, то дала бы свободу, – сказал он.

– Это не так просто.

Она запнулась. Сердце у нее в груди сжималось от смешанного чувства замешательства и гнева.

– Связь не может быть разорвана по одному лишь желанию. Прежде чем это случится, я должна выплатить свой долг.

Он нахмурился:

– Ты королевская телохранительница и, должно быть, не раз спасала всем им жизни. Разве ты еще не выплатила свой долг?

Катьяни не знала, что ответить. Она хотела защитить королеву, сказать ему, что он был не прав и что она находится перед Хемлатой в таком большом долгу, что никогда не сможет его выплатить.

Покинув Чанделу, она ни разу не почувствовала присутствия королевы. Ее рука метнулась к татуировке на шее.

– Я не ожидала, что вы поймете, в каких отношениях я нахожусь с королевской семьей Чанделы, – холодно сказала она. – Они основаны на взаимном уважении и любви. Вы знаете, что это значит?

Его глаза сузились.

– Эта дискуссия бессмысленна. Пожалуйста, возвращайся в свою хижину.

– Как я могу выйти из воды, пока вы на меня пялитесь? – спросила она, желая смутить его так же, как он смутил ее. – Или вы хотите увидеть меня обнаженной?

Он заметно сглотнул, затем повернулся и зашагал прочь, не оглядываясь.

– Спокойной ночи, – крикнула она.

Он не соизволил ответить. Она вылезла из пруда и направилась напрямик к своей одежде. Она не сомневалась, что юноша ушел; он был не из тех, кто стал бы подглядывать. И все же она чувствовала себя ужасно незащищенной. Она поспешно вытерлась полотенцем, выжала воду из волос и надела чистую робу. Та состояла из двух частей: короткой нижней юбки, завязывающейся вокруг талии, и длинной туники, в которую нужно было просунуть руки, как в свободную куртку.

Но у нее не было чистого нижнего белья. Ей нужно было постирать лиф и трусики и надеяться, что к утру они высохнут. А потом она пойдет в женскую хижину и попросит у них чистой одежды.

По очереди она погружала свое белье в поток воды, затем выжимала и повторяла все заново. Когда она уже заканчивала, в последний раз отжимая лиф, то услышала голос у себя за спиной.

– Ты все еще не ушла?

Она подскочила, чуть не упав в ручей. Дакш, нахмурившись, стоял у нее за спиной.

Катьяни глубоко вздохнула и сосчитала до десяти. Когда ее сердцебиение успокоилось, она, тщательно выговаривая каждое слово, сказала:

– Я стираю свое нижнее белье. Вы же понимаете, что людям нужно нижнее белье? Все мои вещи остались в экипаже.

– Тебе следовало попросить его у других учениц, – сказал он неодобрительно.

Она закатила глаза. Он говорил очевидные вещи.

– Да, я знаю. Я сделаю это завтра. А теперь будьте хорошим мальчиком и оставьте меня в покое.

Она снова обратила все внимание на свою одежду, выжимая из нее последние капли воды. По крайней мере, вещи больше ничем не пахли.

Чья-то рука схватила ее за предплечье и потянула вверх.

Годы тренировок дали о себе знать, и ее тело отреагировало прежде, чем она успела подумать. Катяни развернулась и ударила его в грудь тыльной стороной ладони. Недостаточно сильно, чтобы навредить, но достаточно, чтобы заставить его схватиться за грудь и отшатнуться.

Ее рука взлетела ко рту. Она ударила младшего сына Ачарьи.

– Вы застали меня врасплох, – сказала она, не найдя другого способа извиниться. Будь прокляты последствия.

Тяжело дыша, он выпрямился:

– Уходи. Сейчас же.

Его глаза гневно сверкнули.

Он выглядел таким расстроенным, и она подумала, что он может толкнуть ее обратно в воду. Если дело дойдет до драки, она выложится на полную, но тогда ей придется с позором вернуться в Аджайгарх. Королева будет этому совсем не рада.

– Я ухожу, ухожу.

Она демонстративно смахнула пыль с того места, за которое он ее схватил.

– Или это было предложением, чтобы ко мне прикоснуться?

Она знала, что не должна его дразнить, но он был сам виноват в том, что дотронулся до нее без разрешения. Так что он *заслужил*, чтобы его немного подразнили. Его губы задрожали и сжались. Глядя на него, она поняла, что ошиблась, когда судила о его возрасте. Сначала девушка решила, что он на несколько лет старше ее. Но ему явно было не больше девятнадцати.

– Почему вы вернулись? – спросила она, собирая свою мокрую одежду. – Только чтобы меня прогнать?

Он отвел от нее взгляд:

– Я хочу искупаться.

– Ну так я вам не мешаю. Ручей достаточно большой для того, чтобы вместить и вас, и одежду, которую я стираю, – заметила она.

– Как ты можешь быть такой бесстыдной, – пробормотал он, устремив взгляд на куст жасмина.

– Люди в моем королевстве не заиклены на подобных вещах. Вы слышали о храмах в Кхаджурахо?⁶ Скульптуры там весьма реалистичны. О, я забыла...

Она пристально посмотрела на него:

– Ученики гурукулы обязаны соблюдать брахмачарью до двадцати пяти лет, верно? Добродетель, сдержанность, безбрачие и так далее. Вы даже не должны думать о голых женщинах, не говоря уже о том, чтобы на них смотреть.

Он сжал губы:

– Просто уходи.

Самодовольно улыбаясь, она откинула волосы назад. Пора уходить. Она выиграла этот раунд без особых усилий. Но она не смогла удержаться от последнего выпада.

– Но когда я была в воде и вы со мной говорили... разве вы не думали о том, как я выгляжу обнаженной?

Наконец он повернул голову и пронзил ее взглядом. Дрожь пробежала по ее телу от макушки до самых пяток. Неужели ночь стала теплее?

⁶ Кхаджурахо – бывшая столица средневекового государства Чандела в Центральной Индии, на территории которой сохранилась группа древних храмов. Кхаджурахо стал символом эротической скульптуры: эротические скульптуры и барельефы на стенах храмов дают представление о сексуальной жизни в Древней Индии.

– Ты не должна быть здесь. Ты не принадлежишь этому месту.

– Почему? Потому что я женщина? – с вызовом спросила она. – Или потому, что я *рабыня*? В любом случае это лишь ваши предубеждения.

– Ты не принадлежишь этому месту, потому что ты безнравственна, – заявил он. – Спокойной ночи, леди.

Она зашагала прочь, что-то бормоча себе под нос. Кем себя возомнил этот юноша? Юноша с божественно мускулистым телом, идеальными пухлыми губами и такими длинными ресницами, что о них можно было бы споткнуться? Высокомерное, замкнутое создание! Ей бы хотелось смутить его еще сильнее. Но хуже всего то, что ей придется отказаться от идеи снова купаться здесь ночью.

Глава 5

Следующее утро они начали в лекционном зале, большом, просторном помещении в главном здании, окна которого выходили во внутренний двор. На подоконниках росли гардения, мелисса и миниатюрные жасмины. Мягкий, теплый ветерок врывается в комнату, принося с собой аромат цветов и того маленького цитрусового дерева, которое росло снаружи.

Катяни подавила зевок. Голос Ачарья напоминал ей колыбельную. Она заблаговременно заняла место позади других студентов, но, к ее ужасу, Ачарья поднялся на ноги и кружил по залу, словно ястреб, держа их всех в поле своего зрения.

– Духовная энергия присутствует везде и во всем, потому что она исходит из пяти основных элементов природы: агни, вайю, джал, акаша и притхиви. Контролируя себя, вы можете контролировать стихии. Две эти вещи взаимосвязаны. Как только вы обретете контроль над своими мыслями, эмоциями, речью и действиями, даже травинка сможет стать вашим оружием.

Ачарья сделал паузу, чтобы бросить на них пренебрежительный взгляд.

– Но едва ли кто-то из вас совершит такой подвиг в течение одной этой жизни.

Как обнадеживающе, – подумала Катяни, подавляя желание спросить его почему. Ачарья напомнил ей Шуклу в его худшем проявлении. Сидящие вокруг нее ученики делали заметки, ведя записи на пергаментях. Ей было приятно видеть, что Бхайрав тоже усердно писал. Айан смотрел в окно с остекленевшими глазами. Ей придется поговорить с ним о том, что нужно быть внимательнее на уроках.

– Существует пять ограничений, касающихся надлежащего поведения духовного воина, – бубнил Ачарья, расхаживая по лекционному залу. – В своей жизни вы должны прежде всего руководствоваться ахимсом – принципом ненасилия. Сатья, или принцип правдивости, должен формировать ваши слова, мысли и поступки. Вы должны практиковать астею и воздерживаться от воровства. Принять обет брахмачарья и оставаться целомудренными. Наконец, соблюдать дайю, принцип сострадания ко всем смертным существам.

Он говорит о нормальных людях или о тех, кто живет в гурукулах? Имел ли он хоть какое-нибудь представление о том, на что похожа жизнь за пределами этих стен? Не в силах сдержаться, Катяни подняла руку. Она изо всех сил старалась не заснуть и вести себя тихо на протяжении всего его монотонного монолога, но если она промолчит и сейчас, то просто взорвется.

– Да? – спросил, нахмурившись, Ачарья Махавира, переводя на нее взгляд. Айан и Бхайрав оживились, как и двенадцать других учеников. Дакш, сидящий в одном из углов зала в позе лотоса, открыл глаза. Но он по-прежнему не удостоивал ее взгляда, вместо этого с вежливым интересом глядя на своего отца.

– Как эти принципы воин может применить на практике? – спросила она Ачарью. – Многие из здешних учеников происходят из королевских семей, которые ведут войну с соседними королевствами. Я и сама королевская телохранительница. Я убивала, исполняя свои служебные обязанности. Как мы можем практиковать ненасилие и при этом остаться в живых?

Ачарья Махавира погладил свою бороду:

– Вопрос, который демонстрирует твое невежество и отсутствие образования. Кто-нибудь хочет ответить?

Катяни оцетибилась. Он назвал ее невежественной лишь за то, что она задала вопрос!

Другие ученики опустили глаза на свои пергаменты, не желая рисковать и сказать что-то не то.

Ачарья презрительно фыркнул:

– Никто? Дакш, пожалуйста, ответь.

Дакш встал и почтительно поклонился Ачарье. Интересно, каково это быть сыном Ачарьи Махавиры? Год за годом сидеть на одних и тех же уроках? Вряд ли это было легко. Уттам, казалось, чувствовал себя комфортно в роли наследника Ачарьи, но Дакш все еще был подростком. О чем он мечтал? К чему он стремился? Не считая своей приверженности обету безбрачия.

– Принцип ахимсы применим ко всем, – сказал он, повернувшись лицом к ученикам. Его мягкий, уверенный голос разносился по всему лекционному залу. – Не причиняйте вреда другим существам ни одним своим действием. Тем не менее вам разрешено защищать себя. Если из-за ваших действий при обороне нападающему причиняется вред, принцип не нарушается.

– А как насчет войны? – с вызовом спросила она. – Это не самозащита, так ведь? Не тогда, если нападаете вы.

При звуке ее голоса он напрягся и посмотрел на своего отца. *Взгляни на меня*, – хотела сказать она. – *Я не кусаюсь*.

– Можешь ответить, – сказал Ачарья Махавира, махнув рукой.

– Войн по возможности следует избегать, – сказал Дакш, уставившись в пол. – Сила – это последнее средство. Если война необходима, то она должна быть законной и справедливой. Ее цель должна заключаться в том, чтобы победить нечестивых и обрести мир. Кроме того, во время войны следует придерживаться моральных принципов. Нельзя использовать оружие, которое причиняет чрезмерную боль и приводит к излишним разрушениям. Нельзя нападать на раненых и безоружных воинов. Мирных жителей следует пощадить.

В каком сказочном мире жили эти люди?

– Любой может убедить себя, что его дело правое, – сказала она. – Кто решает, какая сторона права? Что касается моральных принципов, то они забудутся сразу, как только ваши солдаты начнут умирать. Вы когда-нибудь были на настоящем поле боя?

Его глаза вспыхнули.

– А ты?

– Да.

Ее наполнило чувство триумфа. Она победила его в этом споре.

– В прошлом году я сражалась в битве против вторгшейся монгольской конницы. Я была в отряде наследного принца Айана.

Айан одарил ее заговорщицкой улыбкой. Королева Хемлата не хотела, чтобы кто-то из них оказался на поле боя. Но Айан убедил короля Джайдипа позволить им сражаться. Это продолжалось всего пару дней; они разгромили монголов на границах своего королевства и отправили их восвояси.

Но этого было более чем достаточно. Иногда она все еще чувствовала запах крови и слышала предсмертные крики солдат, падающих от вражеских копий. Война не была ни приятной, ни славной, ни *этичной*. Война – это отрубленные головы, фонтаны крови, льющиеся из отсеченных конечностей, и груды мертвых тел, устилающие багровую землю. А потом – погребальные костры и вонь горящей плоти. Из сказанного Дакшем имело смысл лишь то, что войны следует по возможности избегать. Но монголы не оставили им такого выбора.

– Любой дурак с мечом может сражаться, – сказал Ачарья Махавира. – Настоящий воин никогда не забывает о моральных принципах.

– Но... – начала она.

– Тихо! – рявкнул он. – Давайте продолжим урок.

У нее была еще дюжина вопросов, но она поняла, что Ачарья не привык, чтобы ученики его прерывали. Поговорив об ограничениях, он пустился в пространное объяснение пяти добродетелей, принципов надлежащего поведения. Дакш вернулся на свой пост в углу комнаты, снова приняв позу лотоса. Идеальный сын, идеальный ученик. Мог ли он быть чем-то большим?

Она перестала слушать Ачарью и вместо этого написала на своем пергаменте зашифрованное послание для королевы, в котором сообщала ей все последние новости. Нужно было попросить у гурукулы почтового голубя. Хемлата просила ее писать, а для Катьяни это был способ почувствовать их связь. Она представила, как Хемлата разворачивает пергамент, как ее губы шевелятся, когда она расшифровывает послание, как улыбается, когда читает обо всех забавных ситуациях.

Пока она писала, ее охватило ощущение, что за ней наблюдают. Она подняла голову и обнаружила на себе взгляд Дакша. И он не отвел глаза даже после того, как их взгляды пересеклись. Его губы были сжаты, взгляд суров. Возможно, он вспоминал их встречу прошлой ночью. Она одарила его милой улыбкой, и он отвернулся, покраснев.

Он был ей не ровня. Она подавила зарождающийся внутри нее смех и снова сосредоточила свое внимание на письме. Ей хотелось узнать, как дела у ее шпионов. Она лично проинструктировала двух горничных, младшего слугу и дворцового стражника об их тайной операции. Но нет смысла спрашивать о них королеву. Никто, кроме нее – а теперь и Таноя – не знал об истинных личностях ее шпионов. Но она хотела узнать, были ли новые покушения и нашла ли Гаруда какие-нибудь зацепки. Если бы только она могла вернуться во дворец, где ей самое место, и следить за его безопасностью, вместо того чтобы тратить свое время здесь на бесполезные лекции.

За уроком нравственности последовала пробная тренировка на мечах, которую проводили во внутреннем дворе. Если бы к тому времени у Катьяни не заурчало в животе, то такое времяпрепровождение можно было считать вполне приятным. Утром у них уже были йога и медитация. Но никакой еды.

К тому времени она знала имена большинства других учеников. Не все они были из королевских семей. Гурукула Ачарьи была открыта для всех, у кого был талант и желание изучать военное и дипломатическое искусство. Один ученик прибыл из общины кочевников-овцеводов Кумаона, а другой был сыном кожевенника из королевства Ядава. Двое были из лесных деревень к северу от Нандованы; они слыли лучшими лучниками в гурукуле.

Наследника королевства Соланки звали Ирфан; он был стройным, привлекательным молодым человеком с ямочкой на подбородке, карими глазами и копной вьющихся черных волос. С его лица никогда не сходила улыбка. Во время тренировки на мечах он не переставал пялиться на Катьяни. Из донесений своих шпионов она получала о нем некоторую информацию. В отличие от его ни на что не годного младшего брата, у Ирфана была вполне достойная репутация,

У Катьяни никогда не было поклонников. В конце концов, она была связана узами с королевой и вдобавок была членом Гаруды. Никто во дворце не осмеливался на нее взглянуть. Не *в этом* смысле. Но во время тренировки Ирфан смотрел на нее так оценивающе, что она даже начала чувствовать себя немного неловко. В конце концов тренер – старший ученик по имени Джаеш – переставил его в пару с Айаном. Она же встала в пару с двоюродной сестрой Ирфана, Нимаей – высокой, гибкой девушкой с большими, как у лани, глазами и удивительно хорошими навыками владения мечом. Немногие королевские семьи обучали своих дочерей так же хорошо, как сыновей, так что мнение Катьяни об этом западном королевстве немного улучшилось.

Когда наконец объявили перерыв на обед, то Катьяни, Айан и Бхайрав вместе с некоторыми другими учениками начали аплодировать от радости. Джаеш холодно сказал им, что если они не смогут обуздать свой энтузиазм по отношению к еде, им, возможно, придется поститься два дня в неделю вместо одного. Они опустили головы и, уязвленные, отправились в столовую.

Катьяни решила сесть вместе с женщинами, чтобы попытаться почерпнуть больше информации о гурукуле, а также раздобыть чистое нижнее белье. Не считая ее самой и Нимаи,

женщин было всего четверо. Двоим из них на вид было за пятьдесят или за шестьдесят, но двое других были всего на несколько лет старше Катьяни.

Она поклонилась и представилась самой старшей из них. Атрейи была невысокой, полной женщиной с седыми волосами, собранными в тугую пучок, глубоко посаженными глазами и крупным ртом. Она выглядела невероятно спокойной.

Атрейи улыбнулась и благословила ее, протянув правую ладонь.

– Всегда приятно видеть здесь талантливых молодых женщин. Приходи ко мне, если возникнут какие-нибудь проблемы, дитя.

– Ах, насчет этого...

Катьяни объяснила, в какое затруднительное положение она попала из-за того, что лишилась всей одежды. Не желая шокировать старейшую леди гурукулы, все подробности насчет нижнего белья девушка решила опустить.

Губы Атрейи дрогнули, она понимающе кивнула.

– Приходи в женскую хижину после еды, Шалу даст тебе все, что нужно.

Шалу – одна из молодых женщин – была стройной, невысокой, с невероятно густыми и длинными волосами, которые она заплетала в две ниспадающие до поясницы косы. В ее глазах заплясали огоньки, и она быстро улыбнулась и поклонилась Катьяни. Та улыбнулась и поклонилась в ответ. Она сразу же прониклась к девушке симпатией. На самом деле, ей понравились все обитательницы гурукулы – даже Винита, еще одна взрослая женщина, которая выглядела строгой, не улыбалась и лишь сухо кивнула в ответ на поклон Катьяни.

– Здесь всегда было так мало женщин? – спросила она Атрейи, пока они стояли у стены, ожидая прибытия Ачарьи. Вокруг них, болтая между собой, толпились другие ученики. Бхайрав и Айан стояли рядом с Ирфаном. Они взглянули на нее и рассмеялись над какими-то из его слов. Она это проигнорировала.

Лицо Атрейи омрачилось.

– Когда-то женщин здесь было гораздо больше. Почти столько же, сколько мужчин. Затем произошло кое-что весьма трагическое, и Ачарья Махавира перестал принимать учениц.

Катьяни наострила уши. Неужели в этом месте мог произойти скандал?

– Вините и мне разрешили остаться, поскольку в то время мы вышли замуж за учеников, – продолжила Атрейи. – К сожалению, они уже умерли. Тем не менее мы являемся частью гурукулы, и Ачарья не стал бы просить нас уйти. Что касается Шалу и Бархи, то они сироты, которых оставили у наших ворот еще в младенчестве.

– Находясь здесь, я чувствую себя особенной, – заметила Нимайя, смотря на Катьяни и закатывая глаза.

Не обращая внимания на ее сарказм, Атрейи улыбнулась:

– Это действительно особенная привилегия, дитя мое. Ачарья никогда не принимает больше одной или двух талантливых девушек за один год. И вы, к сожалению, не сможете сюда вернуться. У юношей есть выбор: оставаться здесь или возвращаться год за годом. У девушек такого выбора нет.

Катьяни едва не фыркнула. Она бы никогда не захотела сюда вернуться. В этом месте было слишком много правил и слишком мало женщин. Она скучала по удобствам дворца, лабиринту комнат и коридоров, сплетням придворных и гулу зала для аудиенций. Больше всего она скучала по тому, что могла в любую секунду поговорить с королевой, могла чувствовать ее настроение и эмоции, отвечать на невысказанные маленькие вопросы, о которых никто другой даже не догадывался. Теперь в ней сидело нескончаемое скрытое беспокойство из-за того, что она больше не могла чувствовать Хемлату.

Ачарья Махавира вошел в обеденный зал, сопровождаемый своей свитой, и она не смогла расспросить Атрейи о произошедшей трагедии, которая заставила его закрыть свой гурукула для женщин.

Ужин был гораздо более скромным, чем вчера вечером – только йогурт, лепешки и фрукты. Не желая привлекать к себе внимание, Катьяни тихо сидела между Нимой и Шалу.

Но она не смогла его избежать. Подняв глаза, девушка увидела, что принц Ирфан, сидящий в другом конце стола, пожирает ее глазами. Он одарил ее озорной улыбкой и в шутовском приветствии поднял свой стакан с водой. Какой же дурак. Ей хотелось надрать ему шею.

– Клоун, – пробормотала Нималя. – Он никогда не может устоять перед хорошенькой девушкой. Не обращай на него внимания, Катьяни.

Катьяни показала ему свои зубы.

– Если мы когда-нибудь еще будем вместе тренироваться, я побью его до бесчувствия.

– Я бы хотела на это посмотреть, – сказала Нималя.

Винита, сидевшая по другую сторону от Нимаи, предупреждая прочистила горло, и они замолчали. Это не помешало Ирфану продолжить пялиться на нее так, словно она была каким-то вкусным десертом. Ей хотелось швырнуть в него чем-нибудь. Придется ждать такой возможности на тренировочной площадке.

К ее досаде, Ирфан был не единственным, кто на нее смотрел. Айан и Бхайрав продолжали пытаться разговаривать с ней жестами даже с другого конца стола.

«Еда сегодня невкусная. Ты видела, как я победил ядавского принца на мечах? Сестра Ирфана сногшибательна. Почему ты сидишь с женщинами?»

«Заткнись», – наконец сказала она, и они стихли.

Она не хотела, чтобы кто-нибудь еще заметил их болтовню. Она была уверена, что правило молчания во время еды распространяется и на язык жестов. Кроме того, разговор с помощью жестов был их секретом; она не хотела, чтобы Ирфан наблюдал за этим своими любопытными глазами.

Но оставался Дакш. Она избегала смотреть в его сторону с тех пор, как начался ужин, но быстрый беглый взгляд подтвердил ее подозрения. Он сидел рядом с Ачарьей и ел, но его глаза были устремлены то на нее, то на Ирфана, а его лоб прорезала неодобрительная складка. Должно быть, он заметил, что Ирфан пытается привлечь ее внимание. Она склонилась над своей тарелкой, изо всех сил пытаясь сосредоточиться на еде. Если трапеза будет проходить так каждый раз, у нее начнется постоянное несварение желудка. Почему Дакша вообще интересуется, кто на нее смотрит? Неужели он думает, что рабыням здесь не место и что она плохо влияет на учеников? Что одно ее присутствие развращает ее сокурсников?

Вот что случается, если собрать вместе группу мужчин и принудить их соблюдать целибат. Ей было интересно, сколько из них на самом деле соблюдали воздержание, а сколько были тайно друг с другом. Неужели Ачарья думает, что мужчины не могут быть с другими? Или он считает, что нецеломудренным является лишь желание, возникающее между людьми разного пола? Она представила, как он натывается в библиотеке на двух целующихся, и подавила смех.

Что ж, по крайней мере, им разрешали жениться после двадцати пяти лет. По достижении этого возраста ученики вступали в следующую фазу жизни – грихастху, подразумевающую брак, семью и детей. Конечно, некоторые ученики могли пропустить этот шаг и перейти сразу к санньясе, отречению от всего мирского. Дакш, например, был прирожденным санньяси.

После трапезы наступил двухчасовой перерыв, когда ученики могли просто отдыхать или прогуляться по двору. В три у них должен был начаться урок военного дела, а в четыре – обучение боевым искусствам. Спустя несколько недель вся вторая половина дня и вечер будут посвящены практическим занятиям по изгнанию чудовищ.

Катьяни воспользовалась перерывом, чтобы пойти с Шалу в женское общежитие и одолжить кое-какую одежду. Нималя последовала за ними. Принцесса Соланки жила с женщинами, так что хижина Ирфана была в полном его распоряжении.

Женская хижина было небольшой, но оказалась обставлена куда лучше, чем Катьяни могла ожидать. Здесь была отдельная комната для сна, вдоль стен которой были аккуратно разложены травяные циновки и простыни, и отдельная комната для занятий, уставленная книжными полками и украшенная лампами и подушками. В одном из углов стоял старый ситар, полированное дерево которого поблескивало в проникавшем через окно солнечном свете.

– Здесь очень уютно.

Катьяни с улыбкой огляделась вокруг.

– Тебе следует остаться с нами, – сказала Шалу, открывая шкаф, полный белья. – Мы могли бы легко постелить тебе здесь.

– Я должна охранять принцев, – сказала она. – Простите, но я не могу их оставить.

Она не считала, что в гурукуле им может угрожать какая-то серьезная опасность – убийцы вряд ли последовали за ними в Нандовану. Но лучше было не рисковать.

– Ты можешь приходить сюда по вечерам, – сказала Нимайя, присаживаясь на одну из подушек. – Я играю на ситаре, а Атрейи рассказывает нам истории о былых временах гурукулы.

– Я так и сделаю, – пообещала она. – Она рассказала вам о трагедии, которая настроила Ачарью против женщин?

Нимайя и Шалу обменялись взглядами.

– Это печальная история, так что мы не любим о ней говорить, но я введу тебя в курс дела. Подожди минутку.

Шалу порылась в шкафу и достала стопку нижнего белья и запасную робу.

– Вот, возьми это. И это тоже.

Она протянула ей круглую губку.

Катьяни с сомнением на нее посмотрела.

– Это для?..

– Менструации, – сказала Шалу. – Она хорошо справляется со своей задачей. Тебе нужно лишь ее чистить. Но доставай ее очень осторожно, при обильных менструациях она может забрызгать все вокруг. Лучше делай это у ручья, там, где сможешь сразу помыться.

Фу. Катьяни взяла с собой несколько толстых тряпок, но, конечно, они остались в экипаже, да и стирать их тут было неудобно. Возможно, губка была лучшим вариантом.

– Ты хотела рассказать о трагедии, – напомнила она Шалу.

Шалу закрыла шкаф и села на подушку рядом с Нимайей, махнув Катьяни, чтобы она присоединилась к ним.

– Это случилось почти восемнадцать лет назад, когда я была ребенком, – сказала она. – Позже я собирала эту историю по кусочкам. Жена Ачарьи была талантливой и красивой женщиной. Ты же видела ее сыновей, разве они не великолепны? Им досталась ее внешность – особенно Дакшу. Но она скончалась, когда мы все были совсем маленькими. Уттаму было пять, как и мне, а Дакшу был всего год.

Получается, она была права насчет возраста Дакша.

– Но как это повлияло на отношение Ачарьи к женщинам? – спросила Катьяни. – Разбитое сердце?

– О нет, ничего подобного, – сказала Шалу. – Ну, то есть ему, конечно же, было очень грустно. Всем было. Но жизнь шла своим чередом. Женщины гурукулы помогали заботиться о его сыновьях. А затем поползли слухи, что Ачарья собирается жениться на одной из них – на женщине по имени Девьяни. На самом деле, слухи распустила сама Девьяни. Она утверждала, что была любовницей Ачарьи.

– И что он сделал? – зачарованно спросила Катьяни. Она и представить себе не могла, что такие грязные интрижки возможны в этой напряженной, жестко контролируемой обстановке. Но люди остаются людьми, даже если запереть их в гурукуле посреди леса. У них все равно

остаются чувства и желания. Они могли влюбляться, ошибаться, и их сердца могли разбиваться так же, как у любых других.

– Он вышвырнул ее вон, – сказала Шалу. – Сказал ей уйти и никогда больше не показываться ему на глаза.

– О, это сурово.

Шалу пожала плечами:

– Он сказал, что она лгала и что у него не было намерения жениться повторно, а она запятнала память о его дорогой жене. Все отвернулись от Девьяни. У нее не было другого выбора, кроме как уйти. Но перед уходом она прокляла Ачарью, сказав, что покончит с ним, чего бы ей это ни стоило. К сожалению, той же ночью ее убили в лесу. Ее обескровленное тело было найдено три дня спустя.

– Ветала? – спросила Катьяни, поморщившись. Это, должно быть, была весьма болезненная смерть. Все истории, которые она читала и слышала о веталах, были единодушны на этот счет.

Шалу кивнула:

– Они кремировали ее по всем правилам, надеясь даровать ее душе покой. Но ее дух решил иначе.

– Она вернулась как даян, и теперь бродит по лесу, – выпалила Нималя. – Все эти годы она ждет возможности высосать жизненную силу из Ачарьи Махавиры. Разве это не ужасно?

Это было жутко до умопомрачения. Внутренности Катьяни сжались от сочувствия как к Ачарье, так и к его сыновьям. Даяны были беспокойными духами обиженных женщин, которые не могли найти покой до тех пор, пока не отомстят. Они были самыми могущественными чудовищами из всех. Они могли менять форму по своему желанию, а в их длинных черных волосах заключалась сверхъестественная сила. Они служили богине Кали, и их было невозможно убить. Даже другие чудовища избегали их.

– Но он до сих пор жив, – удивленно протянула Катьяни.

– Ачарья обладает огромной духовной силой и контролем над стихиями, – сказал Шалу. – Может быть, она встретила в нем достойного противника. Или она выжидает своего часа.

– Она умерла из-за него, – сказала Катьяни. – Он не должен был выгонять ее из гурукулы.

– Он действовал сгоряча, – сказал Шалу. – Вот почему сегодня он сделал воспитание самоконтроля основой своей учебной программы. Мы с Баркхой живы только благодаря ему. И всякий раз, когда у людей возникают проблемы с яту, веталами или претами, они просят его о помощи. Он никогда не отказывается и никогда не взимает плату. Он сделал много хорошего в этом мире.

Катьяни ничего не сказала, но у нее мурашки побежали по коже при мысли о том, как одна ошибка может определить твою судьбу. Независимо от того, сколько добра сделал Ачарья, это не снимет с него проклятия даян. Неудивительно, что Дакш кажется таким подавленным и странным. Она была бы такой же, если бы выросла, слыша подобную историю о своем отце.

Единственные истории, которые она слышала о своих собственных родителях – истории об их доблести и верности. Хемлата сказала ей, что они оба были отличными бойцами и служили у отца короля Джайдипа, Вишвадипа. Они погибли рядом со своим королем и принцем Карандипом – сводным братом Джайдипа и отцом Бхайрава и Ревы – в войне против королевства Парамаров пятнадцать лет назад. Джайдип взошел на трон, и трехлетняя Катьяни перешла под опеку королевы.

Ей хотелось бы помнить лица своих родителей. Но болезнь, которая чуть ее не убила, лишила девочку всех воспоминаний, которые у нее были. Воспоминания о первых трех годах ее оказались стерты; заполнить эти пустые страницы она могла лишь с помощью слов Хемлаты. Ей повезло, что королева проявила к ней такую доброту. Сколько сирот было усыновлено

королевскими семьями? Она всегда будет глубоко благодарна королю и королеве за то, что они ее приняли.

У Дакша, по крайней мере, все еще был отец. И хотя бы ради этого юноши она надеялась, что Ачарье Махавире удастся вырваться из лап даян.

Прошло еще какое-то время, и она покинула женское общежитие, чтобы найти Айана и Бхайрава. Но в хижине их не оказалось. Она положила свою новую одежду на кровать – из нее получилась бы неплохая подушка – и вышла их искать.

Ученики или прогуливались, или сражались на мечах, или сидели в тени дерева пипал. Но принцев Чанделы нигде не было видно. Она вновь оглядела двор, и сердце в ее груди сжалось от беспокойства. Куда они исчезли?

– Леди, могу я удостоиться чести с тобой сразиться? Я слышал, ты превосходна в бою на мечах, а сегодня у нас почти не было возможности потренироваться вместе.

Принц Ирфан стоял позади нее с обнадеживающей улыбкой на лице и мечом в руках.

– Я ищу Айана и Бхайрава, – сказала Катьяни.

– Принцы отправились на прогулку в лес с Варуном, – сказал Ирфан.

– Что?

Она раздраженно поджала губы:

– Я иду за ними.

– Подожди!

Ирфан попытался дотронуться до ее руки, но, увидев, что она предостерегающе нахмурилась, передумал.

– Пожалуйста, не отправляйся в лес без старших учеников. Они вернутся перед началом следующего урока. А пока, почему бы нам не посоревноваться?

Она уже собиралась сказать «нет», но заметила Дакша, прислонившегося к стволу дерева пипал и наблюдавшего за ними из-под полуприкрытых век. Действительно, почему бы и нет. Она покажет ему, что умеет сражаться лучше любого принца. Катьяни вытащила свой меч и встала в стойку.

– К бою.

Не дожидаясь Ирфана, она замахнулась мечом для удара сверху. Округлив глаза, он занес свой меч, чтобы заблокировать ее удар. Но это был ложный выпад; в последний момент она, пританцовывая, увернулась и направила свой клинок вбок, прямо к его шее, и остановилась в дюйме от его горла.

– Сдавайся, – отрезала она.

Он замер:

– Эм, я не был готов. Мы можем попробовать еще раз?

– Хорошо.

Катьяни отступила на шаг, напрягла мышцы и сжала меч обеими руками.

– Приступай.

Он бросился вперед, нацелив свой меч ей в плечо. Она откинулась назад и со всей силы опустила свое оружие поверх его. Прежде чем он успел отреагировать, она провела своим мечом поверх его вплоть до самого горла юноши.

– Сдавайся, – повторила она.

– Еще разок? – взмолился он, обаятельно улыбнувшись. – Я бы хотел еще раунд, Катья.

Как он смеет обращаться к ней с такой фамильярностью? Закипая от ярости, она вложила свой клинок в ножны.

– Нет. И я не давала тебе разрешения так обращаться ко мне.

– Что я должен сделать, чтобы заслужить эту привилегию? – спросил он.

Следовало отдать ему должное – он был настойчив. И, казалось, спокойно относился к тому, что она побеждала. Очко в его пользу. Некоторые мужчины не могут вынести, когда их

побеждает женщина. И на тренировочной площадке дворца такие люди начали ее избегать. Тем не менее она не была заинтересована в том, чтобы позволить ему «заслужить» какие бы то ни было привилегии.

Катяни отвернулась, не удостоив его ответа, и оказалась лицом к лицу к Дакшу. Ее пульс участился.

– На завтрашнем занятии я должен поставить тебя в пару с более умелым бойцом, – сказал он, окидывая ее оценивающим взглядом.

– Я умелый боец, – запротестовал Ирфан. – У Катяни просто удачный день.

Дакш нахмурился:

– Только те, у кого «удачный день», выживают в настоящем бою, принц. Эти приемы были очень простыми. Будьте внимательны на завтрашнем занятии – вы оба.

– Завтра постный день, – сказала Катяни, к которой вернулся дар речи. – Мой желудок будет урчать слишком громко, чтобы я вообще могла на что-то обращать внимание.

Ирфан фыркнул от смеха, но быстро его подавил.

– Возможно, когда-нибудь тебе придется бороться с голодом, – сказал Дакш. – Думай о посте как о подготовке к этому дню.

Он ушел прежде, чем она смогла придумать достойный ответ. Глядя ему в спину, она скорчила гримасу.

В ворота неспешно прошли Айан и Бхайрав в сопровождении Варуна. Катяни наполнило чувство облегчения. Она подошла к принцам и отчитывала их до тех пор, пока они не смутились и не начали извиняться, пообещав больше не ходить в лес без нее.

– Мы с Катьей потренировались, – подал голос Ирфан из-за ее спины. – Она действительно так хороша, как ты и рассказывал, Айан.

Айан лукаво ей подмигнул:

– Уже «Катя»?

Катяни одарила Ирфана милой улыбкой:

– Если ты еще раз обратишься ко мне с такой фамильярностью, принц Ирфан, я сломаю твой королевский нос. Если ты сомневаешься в этом хоть на секунду, просто спроси принцев Чанделы.

Рука Ирфана взлетела к его лицу.

– Только не нос! Это моя лучшая часть. Она просто меня пугает, так ведь? – спросил он у принцев.

– Она может одолеть нас обоих, – заверил Бхайрав. – И она абсолютно бессердечна. От флирта с камнем и то будет больше пользы, Ирфан. По крайней мере, он не подскочит и не разmozжит тебе голову.

Прозвучал гонг, оповещающий о начале следующего урока. Катяни поспешила к дереву пипал, где уже начали собираться остальные ученики. Она была рада, что этот глупый разговор прервался. Она не хотела, чтобы у Ирфана сложилось неверное представление о ней. Единственная причина, по которой она согласилась с ним сразиться, заключалась в том, что за ними наблюдал Дакш, а она хотела произвести на него впечатление своими навыками. При этой мысли она разозлилась на себя за то, что вообще хотела произвести впечатление на Дакша. Неважно, насколько искусной и умелой она была. В его глазах она навсегда останется рабыней, запятнанной запретной магией. Ей лучше смириться с этим и выбросить его из головы.

Глава 6

Дни превратились в недели, а весеннее тепло – в летнюю жару. Ученики погрузились в рутину медитаций, уроков нравственности и тренировок. Манго в роще созрели, и самым младшим ученикам было поручено их собрать. В течение нескольких дней после этого восхитительные желтые фрукты подавались на обед в качестве десерта.

Катьяни и принцам предоставили лошадей, и трое старших учеников сопровождали их к брошенной карете, чтобы они могли забрать свои вещи. Также перед ними стояла мрачная задача – совершить последние обряды над останками бедного кучера. Трупы яту исчезли – наверное, их забрали члены клана. От кучера тоже почти ничего не осталось; дикие животные и естественное разложение уничтожили то, что яту оставили несъеденным. Они нашли руку, грудную клетку с несколькими кусками разорванной ткани и посеревшую большеберцовую кость. Соорудив погребальный костер, они произнесли слова, дарующие покой усопшим, а затем сожгли и то, что осталось от лошадей.

Катьяни все еще раздражали жесткие правила, которые диктовали, как им следует проводить почти каждую минуту бодрствования, но, к ее удивлению, постепенно она к ним привыкла. Еще более удивительно было то, что она привыкла быть вдалеке от Хемлаты. Тишина внутри нее, которая поначалу казалась такой странной и печальной, стала естественной. Она все еще беспокоилась о королеве, но ответ Хемлаты на ее письмо развеял худшие из ее страхов. Во дворце все было в порядке, новых покушений не было, как и новых зацепок. *«Делай успехи и заботься о принцах»*, – написала она в конце, и именно это Катьяни и пыталась делать. Расследованием она займется уже по возвращении домой.

Ей нравилось обучаться новым приемам и тренироваться. Правда, во время лекций ей по-прежнему было трудно не заснуть. Иногда она засыпала даже во время часа медитации.

Хуже всего были постные дни. Она уже приучила себя есть только два раза в день, но ее желудок бунтовал каждый раз, когда еды не было вообще. Айан и Бхайрав решили было своровать манго из рощи, но, к сожалению, Утгам поймал их, и в качестве наказания им пришлось выдержать дополнительный постный день. Айан вытерпел это стойчески, но Бхайрав так стенал, что ей пришлось тайком принести ему лепешку. Бхайраву нравились все занятия. Он даже получил разрешение посетить библиотеку, чтобы просмотреть старинные рукописи. Айан, как и Катьяни, предпочитал физическую подготовку.

Она ненавидела то, что при желании искупаться ей нужно было вставать в четыре утра, но она не хотела, чтобы Дакш снова поймал ее на нарушении правил. Он наверняка пожаловался бы, а она больше не могла оправдаться тем, что не знала о времени купания женщин.

В классе было пятнадцать учеников, но Дакш, казалось, обратил на нее особое внимание. Он всегда сидел в углу лекционного зала, держа ее в поле зрения, но делая вид, что на самом деле смотрит в другую сторону.

Или, возможно, все дело в ее воображении. Воспоминание о том, как он смотрел прямо ей в глаза, согревало ее изнутри, но она старалась не заикливаться на этом. Он провел несколько уроков по владению мечом, и они оказались одними из самых интересных. Юноша позаботился о том, чтобы она стояла в паре с лучшими бойцами в классе.

На тренировках по каларипаятту, сражении без оружия, ей часто противостояла Нимайя, которой, однако, было далеко до Катьяни. Мужчины вступали с ней в бой очень неохотно, особенно после того, как она несколько раз их побеждала. Сражаться на копье и палке было сложнее, но она постепенно совершенствовала свои навыки.

Стрельба из лука ей нравилась, но едва ли это занятие было у нее любимым, потому что здесь была самая высокая конкуренция. Все пытались – и потерпели неудачу – сравняться в мастерстве с двумя лучниками из лесных деревень. Ачарья просил их демонстрировать свои

навыки перед каждым занятием, чтобы остальные видели, кому они противостоят. Они были невероятны: их стрелы попадали в цель каждый раз, независимо от того, как далека и как мала она была. Айан был довольно хорош – хотя и далеко не так хорош, как они, – но Бхайрав был одним из худших; его стрелы чаще вонзались в деревья, чем в мишени, нарисованные на стене внутреннего двора.

Вскоре стало ясно, что в стрельбе из лука есть нечто большее – то, о чем любой из них мог только мечтать. Ачарья продемонстрировал, как стрелы вызывают огонь и дождь. Под слова мантры он выпустил стрелу в небо, и в воздухе прогремел огненный взрыв. Ученики поспешили укрыться, и Ачарья выпустил еще одну стрелу, погасив огонь и окатив их всех потоком воды.

– Любая обычная стрела может быть превращена в оружие массового уничтожения, – провозгласил он, когда они стояли перед ним, промокшие и ошеломленные. – Ваша цель должна быть истинной, а ваши намерения чистыми. Никогда не используйте эти стрелы против кого-то, у кого уровень мастерства ниже, чем у вас. Вы также не должны делиться этими мантрами с кем-либо за пределами гурукулы. Если вы злоупотребите этой силой, то будете прокляты.

То есть предполагалось, что они в принципе будут способны к таким приемам. Лишь те, кто обладает огромным духовным контролем, могли осуществить такое преобразование энергии. С тех пор каждое занятие по стрельбе из лука они старались изо всех сил, но никому из них не удалось получить даже искры огня или капли воды. Это не помешало Ачарье заставлять их практиковаться часами каждую неделю.

– Мантра уже в вашем разуме, – сказал он им после особенно неприятного дня, проведенного за бесконечными, безрезультативными попытками. – Вы должны призвать оружие своей душой.

Это совсем не помогло. Катьяни подозревала, что из всех его учеников только Дакш и Уттам обладали способностью к таким приемам. Но это к лучшему. Неважно, можно использовать эту силу за пределами гурукулы или нет, она была очень опасна.

Однажды днем, когда они отдыхали после изнурительной тренировки по каларипаятту, один из учеников заглянул в их хижину, чтобы сказать Катьяни, что Ачарья требует ее присутствия в библиотеке.

– О нет, – сказал Бхайрав, приподнимаясь на своем тюфяке. – Нам что, готовиться к твоему погребальному обряду?

– Что ты натворила на этот раз? – вмешался Айан, который сидел в углу и обмахивался веером.

– Ничего!

Снедаемая беспокойством, она отправилась в библиотеку, гадая, рассказал ли Дакш наконец своему отцу о том, как она ударила его в ту первую ночь. В гурукуле была принята многоуровневая система наказаний. За большинство незначительных проступков назначались дополнительные дни поста, но более серьезные нарушения могли привести к порке кнутом. Катьяни еще не видела, чтобы кого-то порол, но одной угрозы было достаточно, чтобы заставить подчиниться даже самого высокомерного ученика.

Библиотека находилась на втором этаже главного здания, и туда можно было попасть, поднявшись по узким деревянным ступенькам, огибающим внешнюю стену здания. У подножия лестницы росло цитрусовое дерево. Поднимаясь, Катьяни вдохнула сладкий лимонный аромат, и он немного ее успокоил.

На полпути вверх по винтовой лестнице находилась большая, просторная комната с множеством окон, которая занимала весь второй этаж здания. Вдоль стен от пола до потолка тянулись набитые книгами и свитками полки. В одном углу стоял старинный письменный стол из тикового дерева, заваленный пергаментами, перьями и чернильницами. Середина комнаты

была пуста, если не считать травяных циновок и подушек. На одном из ковриков сидел Ачарья, справа от него – Атрейи.

– Садись, – резко сказал Ачарья, указывая Катьяни на подушку напротив. Она села, скрестив ноги и пытаясь успокоить свое волнение. Атрейи одарила ее ободряющей улыбкой, а ей сразу стало лучше.

– Ты первый человек с магической связью, которого я принял в свою гурукулу, – сказал Ачарья. – Я хочу посмотреть на твою татуировку. Издалека, – добавил он, когда ее рука рефлексивно метнулась к шее. Она испытывала смешанное чувство подозрения и тревоги. Никогда раньше ее не просили об этом. Случись подобное во дворце, Хемлата наказала бы за такое назойливое любопытство.

Но Катьяни была не во дворце, и королева велела ей не злить Ачарью.

Она неохотно убрала руку со своей шеи. Следующие десять минут ее сосредоточенно разглядывали. Катьяни молча выдержала оба этих пристальных взгляда. Из открытых окон в комнату дул теплый ветерок, и цитрусовый аромат смешивался с запахом старых книг и выцветших чернил. Неудивительно, что Бхайраву нравилось проводить здесь время.

Наконец Ачарья отвел свой взгляд. Он прижал руку ко лбу так, словно ему было больно.

– Расскажи мне о своей семье.

Катьяни была поражена. Из всех вопросов, которые он мог бы ей задать, этот был самым неожиданным.

– Мои родители были подданными прошлого короля Чанделы. Они были убиты в войне с Малвой пятнадцать лет назад.

– Как их звали?

– Мала и Динеш, – сказала она, испытывая все большее замешательство.

– Фамилию, пожалуйста, – сказал Ачарья.

Она покраснела:

– Я никогда не спрашивала.

Почему он так интересовался ими?

Он поднял брови:

– И королева никогда не говорила? Что ж, понятно. А как насчет других членов семьи? Дяди, тети, двоюродные братья?

Неловко ерзая на своей подушке, она покачала головой:

– У меня никого нет. Ачарья, почему вы спрашиваете меня о моей семье?

– Более уместен вопрос о том, почему ты не расспросила королеву более подробно? – сказал Ачарья.

Она уставилась на него, не в силах ответить. Почему она не расспрашивала королеву подробнее? Катьяни не знала ответа на этот вопрос. Как и на вопрос о том, к чему он ее подталкивает. Или все это нужно было лишь для того, чтобы заставить ее чувствовать себя неловко из-за собственного незнания?

– Они были вассалами, – сказала она наконец. – Мне повезло, что меня удочерила сама королева.

Он подергал себя за бороду, и она растрепалась еще сильнее.

– Удача к этому не имеет отношения. Ты помнишь что-нибудь из своей жизни до того, как королева Чанделы привязала тебя к себе?

– Нет, – сказала она. – Я была так больна, что чуть не умерла. Болезнь отняла у меня воспоминания.

Он вперился в нее взглядом:

– Очень удачное совпадение, не так ли? Твои родители умирают, и ты теряешь все воспоминания о том, что было до того, как она создала эту связь.

Катяни вскочила на ноги, стараясь не дрожать от охватившего ее гнева. На что он намекал?

– Ачарья, я знаю, что вам не нравится королева и что вы не одобряете то, что она сделала. Но она сделала это, чтобы спасти мою жизнь.

– Я заставил тебя чувствовать себя неловко, – сказал Ачарья. – Это хорошо. Иногда нас нужно вывести из состояния комфорта, чтобы подвергнуть сомнению то, во что мы всегда верили. Иди, Катяни. Но однажды, когда наберешься смелости, спроси свою королеву, кто ты на самом деле.

Ей не нужно было ни у кого спрашивать, кто она такая. И она не позволит Ачарье вселить в нее какие-либо сомнения по этому поводу.

– Я Катяни, – выпалила она. – Королевская телохранительница Чанделы, защитница короля и королевы. Это все, что мне нужно знать.

Ачарья открыл рот, но Атрейи положил руку ему на плечо:

– Достаточно.

Его голос был мягким, но властным. К удивлению Катяни, Ачарья успокоился.

– Ты можешь идти, – сказал он усталым голосом.

Катяни ушла, но ее мысли пребывали в смятении. Как он смеет так с ней разговаривать! Это было не его дело. Но... как звали ее семью? Неужели у нее действительно не было живых родственников? Почему никто, кроме королевы, не говорил с ней о ее родителях?

Когда она вернулась в хижину, Айан набросился на нее с расспросами.

– У тебя неприятности? Он тебя выгнал?

– Прекрати, – сказал Бхайрав, внимательно за ней наблюдая. – Она расскажет нам, если захочет.

Катяни бросила на него благодарный взгляд:

– Все в порядке. Мне просто нужно немного времени наедине с собой.

Бхайрав вытащил Айана на дополнительную тренировку по стрельбе из лука, что было довольно самоотверженно с его стороны, учитывая, как мало ему нравилось это занятие.

Катяни рухнула на свой коврик и уставилась на потолок. Ее переполняли вопросы. Она скучала по Хемлате больше, чем когда-либо. Если бы только королева была рядом, она могла бы рассказать ей о разговоре с Ачарьей.

Пусть она не могла рассказать ей обо всем лично, но, по крайней мере, всегда можно было выразить свои мысли на бумаге. Катяни встала, схватила перо и чистый пергамент из тайника Бхайрава и написала королеве зашифрованное письмо, описав все, что произошло. Затем она плотно свернула его, запечатала горячим воском и отнесла в голубятню гурукулы, чтобы отправить со следующим же свободным почтовым голубем.

В месяце Джьештха, когда жара была в самом разгаре, Ачарья объявил, что его сыновья возглавят походы по изгнанию ветал, выбрав по несколько учеников каждый. Очевидно, веталы стали представлять угрозу для лесных деревень на окраине Нандованы. Единственным способом избавиться от них было провести надлежащие погребальные обряды, выпустив злых духов из мертвых тел, в которых они обитали.

Уттам выбрал Айана, Нимайю и трех старших учеников. Услышав свое имя, Айан просиял и поднял кулак в воздух.

– Я буду сопровождать наследного принца Айана, – сказала Катяни, хмуро глядя на него.

– Ты не доверишь мне его защиту? – спросил Уттам мягким голосом.

Конечно, она доверяла, но...

– Мне не нужно, чтобы ты все время крутилась вокруг меня, Катя, – сказал Айан.

– Кроме того, ты идешь со мной, – сказал Дакш.

У Катяни отвисла челюсть.

– Я?

Она не ожидала, что он выберет ее.

Он нахмурил брови:

– Или ты не хочешь узнать, как изгоняют ветау?

– Конечно хочу! – поспешно ответила она.

Дакш выбрал Ирфана, а также Варуна и двух других учеников по имени Сагар и Лавраддж. Бхайрав, к его собственному облегчению, вообще не был выбран. Они отправились в путь следующим вечером, поскольку ветау были активны только по ночам. У ворот две группы разошлись в разные стороны: Уттам – на восток, Дакш – на запад.

Это было впервые, когда они отважились отправиться в лес в сумерках. Они шли, освещаемые просачивающимся сквозь деревья вечерним светом, сопровождаемые сладким и пронзительным голосом коэля. Воздух был густым и теплым, насыщенным запахами влажной земли, измельченных листьев, сока и спелых фруктов. Душа Катяни воспарила. Было приятно выбраться из гурукулы, пусть даже для того, чтобы охотиться на злобных мертвецов-кровососов.

Ирфан шел рядом с ней, болтая без умолку. Она несколько раз побеждала его как на тренировках по каларипаятту, так и в сражении на мечях, и все же он продолжал вертеться около нее, словно жизнерадостный, ничего не замечающий паразит. Почему Дакш взял их двоих с собой? Очевидно, не потому, что она ему нравилась, и не потому, что он был впечатлен навыками Ирфана.

Она побежала вперед, мимо Варуна и остальных, и догнала Дакша.

– Почему вы выбрали меня? – спросила она. – Вряд ли вам приятна моя компания.

Он не посмотрел на нее и не ответил, но продолжал шагать в том же ровном темпе, устремив взгляд на деревья впереди.

– Охота на ветау требует выносливости и мастерства, – раздался спокойный голос Варуна позади нее. – Личное отношение не должно влиять на такой выбор.

Она вздохнула:

– Варун, ты что, его глашатай? Ты теперь отвечаешь вместо него? Почему он не может говорить за себя сам?

– Айрия Дакш сегодня дал обет молчания, – сказал надоедливый Варун. – Он не скажет ни слова, за исключением последних обрядов по изгнанию ветау. Благодаря этому изгнание пройдет более эффективно.

– Что?

Она взглядела в неподвижное лицо Дакша.

– Как я могла этого не знать? О, точно. Он все равно почти не разговаривает. Но как он собирается учить нас охоте на ветау, не говоря ни слова?

– С помощью *дела*, – сказал Варун. – Я расскажу все необходимое. Пожалуйста, внимательно следуй нашему примеру и старайся не шуметь. У ветау отличный слух.

– Держу пари, я могу заставить вас нарушить этот обет, – прошептала она Дакшу и с удовольствием увидела, что он поджал губы. В конце концов, он сам был виноват, что взял ее с собой.

Она отступила, чтобы присоединиться к Ирфану, но Варун остановил ее.

– Леди, ты самый слабый член группы, так что будешь стоять между нами.

Какое смехотворно патриархальное мышление! И это после того, как она несколько месяцев к ряду одолевала мужчин на тренировках.

– Я не самый слабый член группы, – огрызнулась она. – Самый слабый – Ирфан.

– Она определенно сильнее меня, – признался Ирфан. – Может быть, мы оба можем остаться посередине.

– На тебя напала веталя по дороге сюда, так ведь? – спросила она.

Ирфан кивнул, и его лицо помрачнело.

– Она упала с дерева и вцепилось мне в горло.

Он опустил воротник своей робы и вытянул шею.

– Видишь?

У основания его горла, прямо там, где проходила артерия, красовался красный сморщенный шрам. Очевидно, он чуть не умер во время той встречи. И все же Дакш выбрал его. Почему?

Словно почувствовав ее невысказанный вопрос, Ирфан ответил на него сам.

– Я попросил разрешения присоединиться к ближайшей охоте на веталя, как только поправлюсь. Мне нужно научиться справляться с ними. Королевство Соланки страдает от самых разных чудовищ. Народ рассчитывает, что их принц может с ними справиться.

Варун одобрительно хмыкнул. Катьяни была по-настоящему впечатлена. Ирфан оказался вовсе не трусом.

Прошел час, сгустилась тьма. С ветвей дерева сал ухнула сова. Выглянула луна, заливая лес серебристым светом. Ирфан начал тихо напевать, но Варун велел ему замолчать. Катьяни уже заскучала, как вдруг Дакш поднял руку. Они все остановились. Перед ними маячил огромный баньян, его толстые ветви спускали воздушные корни до самой земли.

– Почему мы остановились? – прошептала Катьяни Варуну, который стоял позади них с Ирфаном.

– На баньяновых деревьях почти всегда обитает веталя, – сказал Варун.

– Только одна? – спросила Катьяни. – Откуда ты знаешь, что их там не больше?

– Веталы, как правило, одинокие существа, – пробормотал Варун. – А теперь тихо.

Катьяни замолчала, наблюдая, как Дакш подошел ближе к дереву. Должно быть, сейчас будет что-то интересное. В окрестностях Аджайгарха было не так уж много веталя. Они обитали в основном в лесах. Но все же будет полезно знать, как с ними справиться. Веталя могла высосать человека досуха за пятнадцать мучительных минут. Что касается детей, то с ними они расправлялись за один вдох.

Ирфан сжал рукоять своего меча, его лицо окаменело. Она хотела сказать ему, что все будет в порядке, что одна веталя не сравнится с пятью мечами, но вдруг ее насторожил легкий свистящий звук. Она сделала шаг назад, но наткнулась на Варуна. Дыхание застряло у нее в груди. Все они потянулись к мечам.

Веталя спустилась с дерева и присела среди корней у его основания. Это было худое существо с длинными, тонкими конечностями, растрепанными седыми волосами и бледной кожей. В его мертвых черных глазах не было ни зрачков, ни радужной оболочки. Из красной пасти торчали длинные клыки. Омерзительное и жалкое чудовище зашипело.

Дакш взмахнул запястьем и произнес длинную, запутанную фразу, которую Катьяни не смогла разобрать. Несколько воздушных корней дерева превратились в тонкие серебристые веревки и, устремившись к существу, обвилились вокруг него и связали конечности. Веталя взывала от боли и гнева.

– Как он это сделал? – с благоговением спросила Катьяни. Она никогда не видела такой потрясающей магии. Каждый раз, когда она думала, что осознает степень его могущества, Дакш доказывал, что она ошибалась.

– Это мантра, известная только Ачарье и его сыновьям, – сказал Варун немного задумчиво. – Он может даже траву превратить в такие веревки. Ничто не может от него ускользнуть.

Дакш достал из своего рюкзака тыквенную флягу и окропил землю несколькими каплями воды. Он бормотал себе под нос, произнося последние обряды для души, заключенной в мертвом теле перед ними.

Ветала перестала вырываться из своих пут и улыбнулась. Почему-то Катьяни показалось, что эта улыбка куда хуже, чем завывания.

– Добрый вечер, джентльмены и леди, – произнесло существо бархатным голосом. – Для меня большая честь, что такая компания навестила мое скромное дерево.

Катьяни встрепелась. Она знала, что веталы могли говорить, но они делали это очень редко.

– Я вижу среди вас того, чью кровь попробовали мои сородичи.

Его нечеловеческие глаза уставились на Ирфана.

– Они сказали мне, что им понравилось.

Ирфан сделал шаг вперед.

– Я тебя не боюсь, – сказал он сквозь стиснутые зубы.

– Но если бы мы были наедине, без всех этих веревок, ты бы боялся.

Ветала посмотрела на Дакша:

– Я вижу среди вас одного лжеца. Даже когда он произносит погребальные обряды, его мысли витают где-то далеко.

Дакш запнулся, но затем продолжил свои нашептывания. Что имела в виду ветала? О чем думал Дакш, если не об этом существе?

Ветала посмотрела на нее:

– Я вижу того, кто обречен. Леди, вы будете очень сильно страдать. Почему бы не позволить мне унять вашу боль до того, как она наступит?

О, отлично. Ветала заглянула в ее будущее и увидела боль. Это явно не то, что будешь с нетерпением ждать. Она вспомнила, что Ачарья сказал о королеве, и о вопросах, которые он задавал о ее семье, и ею овладело глубокое беспокойство.

Ирфан схватил ее за руку:

– Не слушай.

– Почему бы и нет? – сказала ветала. – Ты знаешь, что я не могу лгать. Позволь мне сделать подарок и тебе. Однажды ты станешь королем, но все равно не получишь то, чего действительно хочешь.

– Заткнись уже, – рявкнул Ирфан.

– Успокойся, – сказал Варун. – Оно пытается сбить нас с толку лишь для того, чтобы отсрочить свою собственную кончину.

Ветала посмотрела на Варуна:

– Я вижу среди вас того, кто никогда ничего не добьется. Ты проживешь свою жизнь посредственно, а когда умрешь, никто не будет тебя оплакивать.

Варун не смог подавить вздоха.

Дакш бросил на них предупреждающий взгляд и продолжил читать последние обряды.

– Скоро наступит день, когда она получит то, что желает, – сказала ветала, пристально глядя на Дакша. – В тот день ты станешь сиротой. В тот день ты будешь жаждать забвения.

Даян, – подумала Катьяни, и у нее скрутило живот. – «Она» – это даян.

Но, похоже, эти слова не подействовали на Дакша. Он подошел ближе к ветале и плеснул несколько капель воды ей в морду. Чудовище съежилось, как будто вода повредила его мертвую кожу.

И все же в этот момент что-то в лице вetalы изменилось. На нем появилось хитрое, почти торжествующее выражение. Глаза существа метнулись вверх, и это мельчайшее движение могло бы ускользнуть от Катьяни, если бы она не наблюдала так внимательно.

Ее взгляд тоже метнулся вверх. Она увидела другую вetalу как раз перед тем, как та прыгнула на Дакша.

Раскрыв рот в беззвучном крике, Катьяни бросилась вперед и, повалив Дакша на землю, откатилась вместе с ним в сторону. Ветала приземлилась рядом с ними и разочарованно зашипела. Чудовище набросилось на нее и прижало к земле, впившись когтями в ее руки. Красная, гнилая, рычащая пасть с блестящими клыками распахнулась прямо перед ее лицом, едва не оглушив ее своим отвратительным зловонием. Существо нацелилось ей на шею, и Катьяни отвернула лицо. Первая вetalа, все еще связанная серебряными веревками, начала смеяться сухим, хриплым звуком, от которого кровь стыла в венах.

Горло набросившейся на нее вetalы пронзил золотой клинок. Чудовище обмякло и рухнуло на нее сверху. Она задыхалась от запаха и ощущения его крови, стекающей по ее телу. Дакш с обезумевшим лицом отшвырнул вetalу в сторону и поднял Катьяни на ноги.

– Твой меч! – крикнул он, и она пришла в чувство.

Вокруг них на землю приземлились еще *пятеро* издающих воинственные вопли вetal.

Ирфан и остальные размахивали мечами направо и налево, рубя чудовищ. Вetalы были ужасно сильны, и их было трудно убить.

– Катьяни, – крикнул Дакш, стоящий по другую сторону опорного корня баньяна, где он отбивался сразу от двух вetal. – Берегись!

Она ударила прыгнувшую на нее вetalу по голове плоской стороной клинка, оглушив ее, и отскочила в сторону в тот момент, когда с дерева упало еще одно чудовище. Его клыки и когти поблескивали в лунном свете. Сколько кровососов подстерегало их, спрятавшись в баньяне? Ветала зарычала и попыталась полоснуть Катьяни по лицу, и, хотя та отшатнулась в сторону, чудовище успело задеть ее шею.

Боль обожгла горло Катьяни; она ахнула и сжала свой меч, готовясь к новой атаке. Когда вetalа с нечеловеческой скоростью подлетела к ней, она со всей силы ударила чудовище в грудь. Лезвие прошло насквозь и вышло с другой стороны. Ветала продолжала бороться, хватаясь бледными руками за лезвие. Катьяни в отчаянии вцепилась в меч, напрягая руки и стараясь удержать вetalу.

Существо ухмылялось, из его пасти капала кровь.

– Ты потеряешь все, что любишь, – проскрежетало оно. – Ты будешь молить о смерти. Ты забудешь, кто ты есть. Тогда ты вспомнишь меня.

От этих ядовитых слов ее внутренности сжались. Она выдернула свой клинок и отшатнулась назад. Темно-красная кровь хлынула из разорванной груди вetalы. Та упала на землю, все еще одаривая Катьяни той же жуткой ухмылкой.

Девушка в изнеможении упала на колени, опираясь на меч, пытаясь восстановить дыхание. Пытаясь осознать то, что она услышала.

Вокруг нее продолжалась борьба. Три вetalы неподвижно лежали на земле. Четвертая прижала Варуна к сучковатому стволу баньяна и собиралась вцепиться ему в горло. Клинок Дакша сверкнул в лунном свете, обезглавив вetalу одним быстрым ударом. По другую сторону дерева Ирфан и Сагар сражались с двумя оставшимися чудовищами.

Катьяни поднялась на ноги и бросилась вперед, чтобы помочь им. Она вонзила нож в спину одной из вetal – трусливый поступок, но ее уже не волновали такие тонкости, да и вообще, эти существа не были живыми.

Последняя вetalа прыгнула ей на спину, повалив на землю. Она упала лицом вперед, чувствуя вкус грязи, а существо обхватило ее шею своими длинными пальцами и сжало. Меч выпал из ее руки. Она схватила мертвые пальцы, пытаясь оторвать их от своей шеи. Но вetalа

была слишком сильна для нее; Катяни задыхалась и билась в попытках освободиться, изо всех сил пытаясь дышать, но ее охватывала паника.

Вновь сверкнуло золотое лезвие, и голова ветапы откатилась в сторону. Катяни села, судорожно хватая ртом воздух и положив руку на шею. Над ней стоял Дакш. Он выглядел одновременно недовольным и обеспокоенным.

– Тебе не следовало набрасываться на меня, – сказал он строгим голосом. – Очень рискованно.

Невозможный человек. Разве он не может просто сказать «спасибо»? Тогда и она могла бы отблагодарить его в ответ.

– О? Так ты хотел, чтобы я позволила ветапе убить тебя? – выдавила она, сглотнув.

Он вложил свой меч в ножны:

– У меня все было под полным контролем.

– Да, точно.

У нее даже не было сил закатить глаза.

– Все остальные живы?

Со стоном и криком, ученики поднимались с земли. У Ирфана из многочисленных ран текла кровь. Раны были у всех, кроме Дакша. Даже Варун был истерзан и совершенно потерял дар речи. Никто не ожидал, что на баньяновом дереве соберется целая группа ветап.

– Время совершать последние обряды, – мрачно сказал Дакш. – Варун, Сагар, помогите мне.

На то, чтобы все закончить, ушло больше часа. Дакш связал останки ветап, включая отрубленные им головы и конечности, своими волшебными веревками. Старшие ученики ходили вокруг, разбрызгивая воду и бормоча над всем этим ужасом ритуальные слова.

Ирфан и Катяни наблюдали, сидя на некотором расстоянии. Дакш убил большинство из этих ветап, и все же он почти не выглядел запыхавшимся. Его волосы были взъерошены, но помимо этого все было как всегда. Даже его одежда казалась относительно чистой. Катяни смотрела на него со смешанным чувством восхищения и зависти. Ее роба была пропитана и кровью ветап, и ее собственной. Ее лицо и шея опухли и воспалились. Ее руки были красными и опухшими в тех местах, где в них впились когти ветап. Ирфан выглядел не менее ужасно и к тому же был очень подавлен.

– Так ты чему-нибудь научился? – спросила она его, стараясь не расчесывать лицо.

– Да, – пробормотал он. – Я понял, что никогда не получу того, чего больше всего хочу.

– По крайней мере, ты будешь королем, – сказала она. – Это смягчит удар. А я просто буду страдать от боли. Вот и все, такова моя судьба.

Это пророчество слышали все. Но только она слышала страшные слова второй ветапы.

– Ты же знаешь, что они рассказывают не все? – спросил он. – И не говорят самого главного.

Она не ответила. *Ты потеряешь все, что любишь*, говорилось в пророчестве. Это было довольно недвусмысленно. Она подумала об Айане, Бхайраве, Реве, Хемлате и Джайдипе. Ее семье, ее доме, ее жизни. И она подумала о той, другой семье. Семье, которую она потеряла и о которой она никогда не спрашивала королеву, пока Ачарья не задел ее своими острыми, болезненными вопросами, и она не была вынуждена написать то письмо – письмо, которое осталось без ответа.

Однажды она уже потеряла все. Как кто-то мог потерять *все* дважды? Закон кармы не должен такого позволить.

Дакш и старшие ученики закончили последние обряды и оттащили останки ветап подальше от дерева. По велению Дакша тела загорелись. Тогда он посмотрел на Катяни, словно проверяя, как она, и девушка попыталась улыбнуться, но, вероятно, вышло что-то похожее на гримасу.

Они подождали еще немного, чтобы убедиться, что тела догорели, и угольки случайно не подожгли подлесок или деревья. Когда не осталось ничего, кроме пепла и фрагментов костей, они повернули домой. Забрезжил рассвет, полосы света пробежали по небу на востоке. Никогда раньше она не была так благодарна за то, что встретила утро.

Они направились обратно к гурукуле, и она вдруг обнаружила, что идет рядом с Дакшем позади всех остальных. Она украдкой взглянула на его лицо, но оно снова превратилось в безмятежную маску безразличия. Что ж, по крайней мере, теперь она знала, как добиться от него какой-то реакции.

– Айрия Дакш?

– Что? – спросил он, не глядя на нее.

– Я заставила тебя нарушить обет молчания.

– Нет, не ты, – сказал он. – Дело было в веталах.

– Ты лжец, – поддразнила она. – Это существо так тебя назвало. О чем ты лжешь? Может быть, в глубине души я все-таки тебе нравлюсь?

Дакш бросил на нее полный ненависти взгляд и шагнул вперед, чтобы присоединиться к Варуну. Она бы рассмеялась, но ее лицо слишком сильно болело.

Глава 7

Незадолго до Шраваны, на пороге лета и сезона муссонов, Ачарья Махавира устроил ученикам-первогодкам испытание. Им нужно было уйти в лес, найти уединенное место и медитировать без еды и воды в течение трех дней. Это должно было многократно увеличить их духовную силу.

– Он вообще человек? – спросил Бхайрав. – Я имею в виду, он помнит, что у нас вообще-то человеческие тела?

Была вторая половина дня, время отдыха между занятиями. Они лежали внутри хижины, приходя в себя после изнурительного занятия по бою на мечах.

– Я думаю, он забыл, каково это – иметь обычное тело, – сказал Айан. – Старшие ученики говорят, что он может неделями обходиться без еды и воды. Как один из легендарных астоми, которые могли выжить, вдыхая запах цветов и яблок.

– Ну, я так не могу, – сказал Бхайрав. – Мне нужно есть эти цветы и яблоки. Тебе придется сказать королеве, что я провалился.

– Это всего на три дня, Бхав. У тебя получится, – сказала Катьяни, думая о Хемлате. Получила ли она письмо Катьяни, где она писала о том, что сказал Ачарья? Почему она не ответила? На первое письмо королева прислала ответ достаточно быстро. Что происходит во дворце?

С течением времени вопросы Ачарьи о ее семье пустили корни в сознании Катьяни и стали донимать ее все чаще. Если бы только королева ей ответила, хотя бы несколькими простыми фразами. Если бы она написала: *твоя фамилия – такая-то. У тебя нет ни двоюродных братьев, ни дядь, ни тетя по такой-то причине. Во дворце об этом не говорят потому-то.* Тогда она могла бы наконец отпустить эту ситуацию. Ее татуировка зачесалась, и она, обеспокоенная, поднялась на ноги.

– Сезон муссонов почти наступил, – сказал Айан. – Если пойдет дождь, вода сама собой попадет нам в рот, и в этом не будет нашей вины.

– А как насчет ветал и яту? – спросил Бхайрав. – Что, если они нападут, пока мы будем медитировать?

– Это часть испытания, верно? – сказал Айан. – В любом случае мы уже успели попрактиковаться.

Это было действительно так. Ачарья дал им как теоретические, так и практические уроки по сражению с различными чудовищами. Даже Бхайрава брали на охоту на ветал и ритуал изгнания претов. Преты были невидимыми призраками, которых, скорее, следовало пожалеть, чем бояться. Как правило, они не слишком вмешивались в жизнь людей, если не считать попыток помешать им в достижении целей. Но их присутствие уменьшало духовную силу воина. Важно было научиться ощущать их присутствие и изгонять. Единственным чудовищем, которого они не встретили, был пишача – существо настолько редкое, что его не видели десятилетиями.

– Подумай об этом с другой стороны, – сказала Катьяни. – Пройдем мы испытание или провалимся, нам осталось провести здесь всего несколько недель. И затем мы сможем отправиться домой и навсегда забыть об этом месте.

– Я никогда о нем не забуду, – сказал Бхайрав. – Мне будут сниться кошмары в течение еще многих лет.

Катьяни усмехнулась и вышла посидеть на крыльце. Она могла одурачить принцев, но только не саму себя. Она тоже не забудет это место. Или его обитателей. Ну, точнее, одного из них. Отчасти она испытывала облегчение от того, что скоро вернется во дворец. Катьяни

хотела связаться со своими шпионами и расспросить их о прогрессе, которого они достигли в раскрытии заговора. Она не успокоится, пока не узнает всей правды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.